

БРИТТАНИ Ш. ЧЕРРИ

ВОЗДУХ,

*которым
он дышит*

18+

Я был не тем.
Она – не той.
Но как же приятно была эта ложь...

Freedom. Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая проза

Бриттани Ш. Черри

Воздух, которым он дышит

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Черри Б.

Воздух, которым он дышит / Б. Черри — «Эксмо»,
2015 — (Freedom. Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая
проза)

ISBN 978-5-04-160558-2

Меня предупреждали по поводу Тристана. Говорили: держись от него подальше. Он жесток и холоден. Он сломлен. Другим легко было видеть в Тристане монстра, оглядываясь на случившееся с ним. Но только не мне. Я была разбита так же, как и он. И я должна была принять его боль, ведь она жила и внутри меня. Да, мы были пусты. Да, мы искали нечто большее. Погружаясь друг в друга, мы пытались оживить призраков прошлого. И это было чертовски плохой идеей. Но, может, только так мы могли вновь научиться дышать...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-160558-2

© Черри Б., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог. Тристан	6
Глава 1. Элизабет	9
Глава 2. Элизабет	13
Глава 3. Элизабет	20
Глава 4. Элизабет	25
Глава 5. Элизабет	30
Глава 6. Элизабет	37
Глава 7. Тристан	42
Глава 8. Элизабет	44
Глава 9. Элизабет	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Бриттани Ш. Черри

Воздух, которым он дышит

*Посвящается
всем белым перьям.
Спасибо вам за напоминание.*

Brittainy C. Cherry

THE AIR HE BREATHES

Copyright © 2015 THE AIR HE BREATHES

by Brittainy C. Cherry

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency.

The moral rights of the author have been asserted.

All rights reserved.

© Смирнова М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Freedom

Москва

2022

Пролог. Тристан

2 апреля 2014 года

– Теперь у тебя есть все, чего ты хотел? – спросила Джейми, покусывая ногти. Она стояла в прихожей дома моих родителей, и ее прекрасные голубые глаза улыбались мне, напоминая о том, как мне повезло, что она стала моей женой.

Я подошел и обнял ее, крепко прижимая к себе стройное тело.

– Да, думаю, у меня есть все, милая. Думаю, это наш звездный час.

Она обвила руками мою шею и поцеловала меня.

– Я так горжусь тобой!

– Нами, – поправил я ее. После многих лет мечтаний и стремлений моя цель – делать и продавать мебель ручной работы – наконец-то была достигнута. Отец был моим лучшим другом и деловым партнером. Мы оба направлялись в Нью-Йорк, чтобы встретиться с несколькими бизнесменами, которые проявили нешуточный интерес к сотрудничеству с нами. – Если бы ты меня не поддерживала, я бы ничего не добился. Это наш шанс получить все, о чем мы когда-либо мечтали.

Она снова поцеловала меня.

Я никогда не думал, что можно так сильно любить кого-либо.

– Прежде чем ты уедешь, наверное, надо тебе рассказать – мне звонила учительница Чарли. У него снова небольшие неприятности в школе, но это неудивительно – он ведь во всем берет пример со своего отца.

Я усмехнулся.

– Что он выкинул на этот раз?

– Миссис Харпер сообщила, что он сказал девочке, которая смеялась над его очками, чтобы она подавилась жабой, потому что похожа на нее. Подавилась жабой – ты можешь в такое поверить!

– Чарли! – крикнул я в сторону гостиной. Он вышел к нам с книгой в руках. Сейчас он был без очков, и я знал, что это из-за школьных дразнилок.

– Да, папа?

– Ты сказал девочке, чтобы она подавилась жабой?

– Да, – спокойно ответил он. Чарли проявлял на удивление мало беспокойства по поводу того, что родители им недовольны. Ничего себе поведение для восьмилетнего мальчика!

– Приятель, так нельзя говорить.

– Но она действительно похожа на уродливую жабу, пап! – ответил он.

Мне пришлось отвернуться, чтобы просмеяться.

– Обними меня, сын, мне нужно ехать. – Чарли крепко обнял меня. Мне было страшно, что настанет тот день, когда он не захочет обнимать своего отца. – Слушайся маму и бабушку, пока я в отъезде, хорошо?

– Ладно, ладно.

– И надевай очки, когда читаешь.

– Зачем?! Они дурацкие!

Я наклонился и легонько постучал пальцем по его носу.

– Настоящие мужчины носят очки.

– Ты же не носишь очки! – заныл сын.

– Ну да, а некоторые настоящие мужчины не носят очков. Но ты надень, приятель, – сказал я. Он немного поворчал, потом убежал в комнату, чтобы читать книгу дальше. То, что чтением Чарли увлекался больше, чем видеоиграми, чертовски радовало меня. Я знал, что

любовь к чтению у него от матери, работавшей в библиотеке, но мне все же нравилось думать, будто к этому имеет некоторое отношение то, что я вслух читал книги своей жене, когда она вынашивала Чарли.

– Какие у вас планы на сегодня? – спросил я у Джейми.

– Сегодня ближе к вечеру мы собираемся на фермерский рынок. Твоя мать хотела купить еще цветов. Скорее всего, она собирается купить для Чарли что-нибудь совершенно ему не нужное. Ах да, еще Зевс сжевал твою любимую пару кроссовок, так что я собираюсь поискать для тебя новые.

– Боже, чья вообще была идея завести собаку?

Она засмеялась.

– Думаю, это моя вина. Я вообще не хотела обзаводиться собакой, но ты не знал, как сказать «нет» Чарли. У тебя с твоей матерью много общего. – Она снова поцеловала меня, потом выдвинула ручку моего чемодана на колесиках. – Хорошей поездки, и пусть наши мечты сбудутся!

Я коснулся губами ее губ и улыбнулся.

– Когда я вернусь домой, я построю библиотеку твоей мечты. С высокими приставными лесенками и всем остальным. А потом мы будем заниматься любовью где-то между «Одиссеей» и «Убить пересмешника».

Она прикусила нижнюю губу, потом спросила:

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Позвони мне, когда ваш самолет сядет, хорошо?

Я кивнул и вышел из дома. У крыльца уже стояло такси, в котором меня ждал отец.

– Эй, Тристан! – окликнула меня Джейми, когда я загружал свой чемодан в багажник машины. Чарли стоял рядом с ней.

– Да?

Они оба сложили ладони рупором около губ и прокричали:

– МЫ ТЕБЯ ЛЮБИМ!

Я засмеялся и крикнул им в ответ, что люблю их тоже.

* * *

Во время полета отец все время говорил о том, какая это отличная возможность для нас. Когда мы приземлились в промежуточном пункте рейса – Детройте, – мы оба включили наши сотовые телефоны, чтобы проверить электронную почту и написать Джейми и маме сообщения о том, что с нами все в порядке.

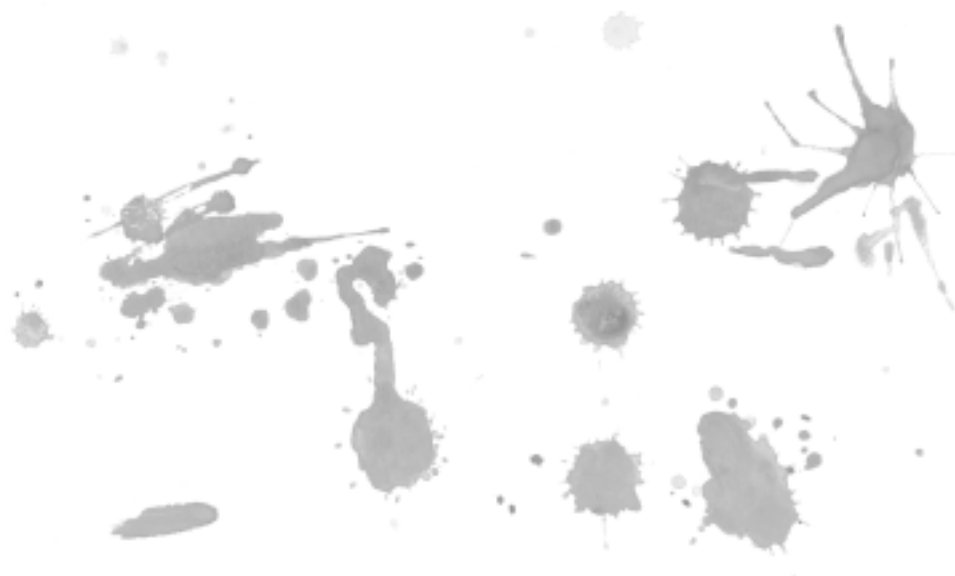
Едва телефоны включились, на них посыпались сообщения от мамы, и я понял, что что-то не так. От первого же сообщения у меня все перевернулось внутри, и я едва не выронил свой телефон.

Мама: Несчастный случай. Джейми и Чарли в тяжелом состоянии.

Мама: Возвращайтесь домой.

Мама: Быстрее!!!

В одну долю секунды, в мгновение ока та жизнь, которую я знал прежде, изменилась безвозвратно.

Глава 1. Элизабет

8 июля 2015 года

Каждое утро я читала любовные письма, адресованные другой женщине. У нас с ней было много общего: от шоколадно-карего цвета глаз до белокурых волос. Одинаковый смех: тихий, но становившийся громче в обществе дорогих нам людей. Она улыбалась правым уголком губ и опускала левый уголок, когда хмурилась, – так же, как я.

Я нашла эти письма, выброшенные в мусорный бак – они лежали в жестяной коробке в форме сердечка. Сотни писем, некоторые длинные, некоторые короткие, некоторые радостные, другие душераздирающе-грустные. Судя по датам, эти письма копились много лет – некоторые из них были написаны даже до того, как я появилась на свет. Некоторые из них были подписаны инициалами «КБ», другие – «ХБ».

Я гадала, что почувствовал бы папа, если бы узнал, что мама выбросила все его письма.

Но, с другой стороны, в последнее время мне трудно было поверить в то, что она могла испытывать те чувства, которыми буквально дышали эти письма.

Цельные чувства. Совершенные в своей полноте. Часть чего-то божественного.

В последнее время она казалась полной противоположностью всему этому.

Сломленной. Неполной и несовершенной. Неизменно одинокой.

После смерти отца мама совсем потеряла свою гордость. Трудно сказать по-другому. Это случилось не сразу, хоть мисс Джексон, живущая чуть дальше по нашей улице, разливалась соловьем перед всеми, кто желал ее слушать, и рассказывала, что мама раздвигала ноги перед каждым мужчиной даже при жизни папы. Я знала, что это неправда, потому что я никогда не забуду, как мама смотрела на папу, когда я была маленькой. Так смотрит только женщина, которая видит лишь одного-единственного мужчину в мире. Когда он уходил на работу на рассвете, мама готовила ему завтрак, упаковывала для него обед и еще собирала что-нибудь на перекус в промежутке. Папа всегда жаловался на голод практически сразу после трапезы, и мама неизменно удостоверяться, что у него с собой достаточно еды.

Папа писал стихи и работал преподавателем в университете в часе езды от нашего дома. Неудивительно, что они с мамой писали друг другу любовные письма. Слова – это то, чем папа приправлял свой кофе, и то, чем он закусывал свой виски по вечерам. Хотя мама не настолько умело обращалась со словами, как папа, но она знала, как выразить свои чувства в написанных ею письмах.

Когда отец уходил на работу по утрам, мама, улыбаясь и напевая себе под нос, приближалась в доме и готовила меня к предстоящему дню. Она говорила о папе, о том, как сильно скучает по нему, и писала ему любовные записки, пока он не возвращался вечером. Когда он приходил домой, мама неизменно наливала ему и себе по бокалу вина, пока он мурлыкал их любимую песенку, а потом, когда она протягивала ему бокал, целовал ее запястье, которое оказывалось так близко к его губам. Они вместе смеялись и шутили, словно дети, впервые влюбившиеся друг в друга.

– Ты моя бесконечная любовь, Кайл Бейли, – говорила она, прикасаясь губами к его губам.

– Ты моя бесконечная любовь, Ханна Бейли, – отвечал папа, кружа ее по комнате.

Они любили друг друга так, что герои сказок позавидовали бы им.

Поэтому в тот знойный августовский день много лет назад, когда папа умер, часть мамы умерла тоже. Я запомнила, как в каком-то прочитанном мной романе автор сказал: «Никто из любящих не покидает мир один; они всегда забирают с собой свою вторую половину». Мне было отвратительно, что он оказался прав. Мама несколько месяцев не вставала с постели.

Мне пришлось заставлять ее есть и пить каждый день, и я могла лишь надеяться, что она не зачахнет от тоски. Я никогда не видела ее плачущей, пока она не потеряла папу. Я почти не проявляла эмоций в ее присутствии, потому что знала, что это только сильнее огорчит ее.

Я достаточно много плакала, когда оставалась одна.

Когда она наконец встала с кровати, то несколько недель каждый день ходила в церковь и брала меня с собой. Я это хорошо запомнила – мне тогда было двенадцать лет, и я чувствовала себя совершенно потерянной, сидя в церкви. На самом деле мы не были особо рьяными прихожанами, пока не случилось плохое. Однако наши походы в церковь были недолгими, потому что мама называла Бога лжецом и ругала горожан за то, что они тратят время на эти обманные и пустые обещания земли обетованной.

Пастор Рис попросил нас некоторое время не приходить больше в церковь, пока смятение несколько не утихнет.

До того момента я не знала, что людей можно изгнать из святого храма. Когда пастор Рис говорил: «Придите все и каждый», – наверное, он имел в виду других «всех» и каких-то особенных «каждых».

После этого мама начала вести себя по-другому: она постоянно меняла мужчин. С некоторыми она спала, других использовала, чтобы они помогали нам оплачивать счета, а кое-кого просто держала рядом, потому что ей было одиноко, а они отчасти были похожи на папу. Некоторых она даже называла его именем. Сегодня вечером перед ее домиком была припаркована машина – темно-синего цвета, с блестящими серебристыми рамками. Кожаные сиденья в салоне были яблочно-красными, на одном из них устроился мужчина, зажавший в зубах сигару, а мама сидела у него на коленях. Он выглядел так, словно явился прямоком из шестидесятых годов. Она хихикала, когда он что-то шептал ей, но это был совсем не тот смех, который она всегда дарила папе.

Этот смех был немного пустым, немного печальным.

Я посмотрела вдоль улицы и увидела, что мисс Джексон стоит в окружении других сплетниц и указывает на маму и ее нового мужчину – который наверняка исчезнет через неделю. Я жалела, что стою недостаточно близко, чтобы услышать, что они говорят, и велеть им заткнуться – но я была за целый квартал от этой кучки болтливых баб. Даже дети, которые гоняли по улице мяч, обозначив границы поля сломанными веточками, остановились и широко раскрытыми глазами уставились на маму и незнакомца в машине.

Такие дорогие машины никогда не ездили по улицам, подобным нашей. Я пыталась убедить маму в том, что ей нужно переехать в квартал получше, но она отказалась. Мне думалось – в основном потому, что они с папой купили этот дом вместе.

Может быть, она еще не до конца забыла его.

Мужчина выпустил облако дыма маме в лицо, и они засмеялись вместе. Она была одета в самое лучшее свое платье – в желтое платье, которое ниспадало с ее плеч, облегалo ее тонкую талию и расширялось книзу. Красилась мама так сильно, что в пятьдесят лет могла сойти за тридцатилетнюю. Она была красива и без этой косметики, но она говорила, что немного румян добавляют лицу свежести. Жемчужное ожерелье на шее было унаследовано от бабушки Бетти. До этого вечера мама никогда не надевала его для чужого мужчины, и я удивилась, почему она это сделала сейчас.

Эти двое посмотрели в мою сторону, и я спряталась за столбиком крыльца, откуда подсматривала за ними.

– Лиз, если ты собираешься прятаться, по крайней мере, делай это получше, – крикнула мне мама. – А теперь подойди и познакомься с моим новым другом.

Я вышла из-за столбика и подошла к ним. Мужчина выпустил еще одно облако дыма, и табачный запах ударил мне в нос, когда я рассматривала этого человека – седеющие волосы, синие глаза.

– Ричард, это моя дочь, Элизабет. Но все, кого мы знаем, зовут ее Лиз.

Ричард окинул меня взглядом – так, словно я была не совсем человеком. Он рассматривал меня, точно фарфоровую куклу... так, будто хотел видеть, как эту куклу разобьют. Я пыталась не показать неловкость, но все равно не смогла ее скрыть и только опустила глаза в землю.

– Как поживаешь, Лиз?

– Элизабет, – поправила я, и мой голос отразился от бетонной плиты, на которую я смотрела. – Только близкие знакомые называют меня Лиз.

– Лиз, нельзя так говорить с ним! – выбрала меня мама, и легкие морщинки на ее лбу углубились. Она бы упала в обморок, если бы знала, что ее морщинки стали так заметны. Мне было отвратительно, что всякий раз, когда рядом с ней появляется новый мужчина, она сразу же спешит поддержать его, вместо того, чтобы заступиться за меня.

– Все в порядке, Ханна. И, кроме того, она права. Требуется время, чтобы узнать кого-то. Право обращаться фамильярно следует заслужить, его не дают просто так. – Было что-то скользкое в том, как Ричард смотрел на меня и дымил своей сигарой. Я была одета в свободные джинсы и простую футболку, слишком большую мне, но под его взглядом чувствовала себя голой. – Мы собирались поехать и поужинать в городе, не хочешь присоединиться? – предложил он, но я отказалась.

– Эмма все еще спит. – Мой взгляд обратился на дом, где моя маленькая девочка лежала на раздвижном диване, который мы с ней делили вот уже много ночей с тех пор, как переехали обратно в мамин дом.

Мама не была единственной, кто потерял любовь всей жизни.

Надеюсь, я не приду к тому, к чему пришла она.

Надеюсь, я просто останусь на стадии горя.

Прошел год с тех пор, как умер Стивен, но каждый вздох до сих пор дается мне с трудом. Наш с Эммой настоящий дом был в Мидоус-Крик, в штате Висконсин. Это было дешевое, нуждавшееся в ремонте жилье, которое Стивен, Эмма и я сделали своим домом. Наша жизнь была наполнена любовью, размолвками и опять любовью – снова и снова.

Тот дом был теплым лишь потому, что мы жили в его стенах, и после смерти Стивена опустевшее место заполнилось холодом.

В последний раз, когда мы с ним были вместе, мы стояли в прихожей, его рука лежала у меня на талии, и мы создавали воспоминания, которые, как мы думали, будут длиться вечно.

«Вечно» оказалось куда короче, чем кто-либо из нас готов был поверить.

В течение долгого времени жизнь текла по привычному руслу – и в один день вдруг резко остановилась.

Я задыхалась от воспоминаний, от горя, поэтому бежала прочь, к маме.

Возвращение в тот дом заставило бы меня наконец-то принять истину: Стивена больше нет. Более года я жила грезами, притворяясь, будто он всего лишь вышел за молоком и в любой момент может войти в дверь. Каждый вечер, ложась спать, я вытягивалась на левой стороне кровати и закрывала глаза, притворяясь, будто с правой стороны постели спит Стивен.

Но теперь моей дочери нужно было больше. Моей бедной Эмме была нужна свобода от раздвижных диванов, многозначительных покашливаний, странных мужчин, соседок-сплетниц, которые говорят слова, не предназначенные для ушей пятилетнего ребенка. И я ей тоже была нужна. Я блуждала впотьмах, лишь наполовину будучи той матерью, которую она заслуживала, так что, может быть, встреча с воспоминаниями, оставшимися в нашем доме, могут принести мне больше покоя.

Я вернулась в дом и посмотрела на моего спящего ангела. Ее грудь поднималась и опадала в идеально ровном ритме. У нас с ней было много общего – от ямочек на щеках до светлых волос. Одинаковый смех – тихий, но становившийся громче в обществе дорогих нам людей. Она улыбалась правым уголком губ и опускала левый уголок, когда хмурилась – так же, как я.

Но была одна большая разница.

У нее были синие глаза – как у Стивена.

Я легла рядом с Эммой, нежно поцеловала ее в носик, а потом протянула руку за жестяной коробкой в форме сердечка и прочла еще одно письмо. Я уже читала его прежде, но оно все равно затрагивало мою душу.

Иногда я притворялась, что это письма мне от Стивена.

И всегда чуть-чуть плакала.

Глава 2. Элизабет

– Мы правда едем домой? – спросила сонная Эмма, когда утренний свет проник через окно гостиной и упал на ее прелестное личико. Я достала ее из постели и усадила вместе с Буббой – плюшевым медведем и ее неизменным спутником – на ближайший стул. Бубба был не просто плюшевым медведем, он был плюшевым медведем-мумией. Понимаете, моя дочка была несколько странной, и после того как она посмотрела кино «Отель «Трансильвания» – где фигурировали зомби, вампиры и мумии, – она решила, что, наверное, сочетание чего-то немного странного с чем-то немного страшным будет идеальным.

– Правда, – улыбнулась я ей, складывая диван. Прошлой ночью я не могла сомкнуть глаз, зато упаковала все наши вещи.

На лице Эммы появилась широкая лихая улыбка, такая же, как у ее отца. Девочка воскликнула: «УРА!» – и сообщила Буббе, что мы действительно едем домой.

«Домой».

Это слово укололо мое сердце, но я продолжала улыбаться. Я научилась всегда улыбаться в присутствии Эммы, потому что она начинала грустить всегда, когда ей казалось, будто мне грустно. Несмотря на то что она всегда старалась подбодрить меня, нежно целуя меня в нос – «по-эскимосски», – когда я была не в настроении, однако зачем взваливать на ребенка такой груз?

– Нам нужно вернуться вовремя, чтобы посмотреть с нашей крыши фейерверки. Помнишь, как мы раньше смотрели на крыше фейерверки вместе с папой? Помнишь, милая? – спросила я ее.

Она прищурилась, словно глубоко задумавшись. Если бы наш разум был похож на шкафчик с каталогами и мы могли бы просто выбрать любимые воспоминания из аккуратно организованной системы – в любой момент, когда захочется...

– Не помню, – сказала Эмма, обнимая Буббу.

Это ранило мое сердце. Но я все равно продолжала улыбаться.

– Ну тогда, может быть, заедем по пути в магазин и купим «Bomb-Pops»¹, чтобы съесть их на крыше?

– И сырных палочек для Буббы!

– Конечно!

Она улыбнулась и снова закричала от восторга. На этот раз моя улыбка, обращенная к ней, была совершенно искренней.

Я любила ее сильнее, чем она могла осознать. Если бы не она, я определенно утонула бы в своей скорби. Эмма спасала мою душу.

* * *

Я не попрощалась с мамой, потому что она так и не вернулась после своего вечернего свидания с курящим Казановой. Когда я только-только приехала к ней в дом и она впервые не пришла на ночь, я звонила и звонила ей, беспокоясь, где она и что с ней, но она только накричала на меня и заявила, что она взрослая женщина со своими взрослыми делами.

Так что я просто оставила ей записку:

Мы уезжаем домой.

Мы тебя любим.

¹ «Bomb-Pops» – замороженное лакомство, фруктовый лед с пузырьками, может быть различных фруктовых вкусов.

До скорой встречи.

– Э. и Э.

На моей машине-развалюхе мы добирались до места много часов, прослушав музыку из «Холодного сердца» столько раз, что мне начало казаться, будто мне одну за другой выдирают ресницы. Эмма каким-то образом ухитрилась слушать одну и ту же песню миллион раз, и ей не надоедало, однако она развлекалась, подставляя в каждую строчку свои слова. Честно говоря, ее версия песен мне нравилась больше.

Когда она уснула, проигрыватель выключился вместе с ней, оставив меня в полной тишине. Я невольно протянула руку в сторону пассажирского сиденья, ладонью вверх, в ожидании прикосновения любимых пальцев – но этого прикосновения не последовало.

«У меня все хорошо, – твердила я себе снова и снова. – У меня все отлично».

Когда-нибудь это станет правдой.

Когда-нибудь у меня все будет хорошо.

Когда мы выехали на перекресток с шоссе I-64, внутри у меня все сжалось. Я хотела бы добраться до Мидоус-Крик окольными путями, но это была единственная дорога, ведущая в город. Несмотря на выходной, движение было довольно оживленным, но новый гладкий асфальт, которым замостили некогда разбитое шоссе, сделал путь более легким. Слезы навернулись мне на глаза, когда я вспомнила, как смотрела срочный выпуск новостей.

Столкновение на трассе I-64!

Хаос! Множество жертв!

Раненые и погибшие!

Стивен.

«Надо сделать вдох».

Я продолжала вести машину, и слезам так и не удалось выкатиться из моих глаз. Я заставила свое тело онеметь, потому что, если бы не это спасительное онемение, я чувствовала бы все. А если бы я чувствовала все, я бы расклеилась, а я не могла позволить себе расклеиться. Я взглянула в зеркало заднего вида на мой маленький кусочек силы – на мою спящую девочку. Мы миновали шоссе, и я выдохнула, потом вдохнула. Каждый день был все равно что один вздох. Я не могла думать дальше одного дня, одного шага, одного вздоха, иначе я захлебнулась бы воздухом.

На белом щите полированного дерева красовалась надпись: «Добро пожаловать в Мидоус-Крик». Эмма проснулась и выглянула в окно.

– Мама?

– Да, милая?

– Как ты думаешь, папа узнает, что мы переехали? Как ты думаешь, он узнает, где оставлять перья?

Когда Стивен погиб, а мы перебрались к моей маме, по двору перед домом были разбросаны белые птичьи перья. Когда Эмма спросила про них, мама сказала, что это маленькие знаки от ангелов – те дают нам знать, что они всегда рядом и присматривают за нами.

Эмме понравилась эта мысль, и всякий раз, находя перо, она смотрела в небо, улыбалась и шептала: «Я тоже люблю тебя, папочка». Потом она фотографировалась с пером, чтобы добавить это в свою коллекцию фото «Я и папа».

– Я уверена, что он узнает, где нас найти, солнышко.

– Да, – согласилась она. – Да, он узнает, где нас найти.

Деревья были зеленее, чем мне запомнилось, а маленькие магазинчики в центре Мидоус-Крик были украшены белым, синим и красным в честь праздника. Это было таким знакомым, но одновременно чужим. Американский флаг над домом миссис Фредерик хлопал на ветру, а сама она втыкала в цветочный горшок искусственные розы, патриотично раскрашенные в

национальные цвета. Все ее существо излучало гордость, когда она отошла назад, чтобы полюбоваться своим домом.

На одном из светофоров в городе мы застряли на десять минут. Это ожидание было совершенно бессмысленным, но оно дало мне время увидеть все, что напоминало мне о Стивене. О нас. Как только свет переключился, я нажала на педаль газа, больше всего на свете желая добраться домой и не видеть этих теней прошлого. Когда машина помчалась дальше по улице, я краем глаза увидела бегущего ко мне пса. Я мгновенно перенесла ногу на педаль тормоза, но моя старая, потрепанная машина только дернулась, отказываясь останавливаться. Когда же она наконец замерла на месте, я услышала громкий визг.

Мое сердце подпрыгнуло куда-то в горло и осталось там, не давая мне сделать следующий вдох. Я ударом ладони включила аварийные сигналы. Эмма спросила, что случилось, но у меня не было времени ответить. Я распахнула дверцу со своей стороны и наклонилась над несчастным псом как раз в тот момент, когда ко мне подбежал какой-то мужчина. Наши взгляды встретились, и я отметила, как широко раскрыты в панике его серо-синие, цвета грозовых туч, глаза. У большинства людей синие глаза буквально лучатся теплотой и притягательностью – но не у него. Взгляд его был напряженным, как и поза. Холодным и отстраненным. По краю радужной оболочки этих глаз шел ободок более глубокого синего цвета, но синеву тут и там прошивали серые и черные прожилки, и это добавляло его взору отчужденности. В точности как небо за минуту до того, как оно обрушится на землю грозой и ливнем.

Эти глаза были мне очень знакомы. Я знала этого человека? Я могла бы поклясться, что где-то видела его раньше. С выражением ужаса и ярости на лице он перевел взгляд на пса, по-прежнему лежащего неподвижно – наверное, это был его пес. На шее у незнакомца болтались огромные наушники, провод их тянулся к какому-то аудиоустройству в заднем кармане его шортов.

На нем был костюм для занятий спортом – длинные рукава белой футболки облегли мускулистые руки, черные шорты открывали натренированные ноги, на лбу блестели капли пота. Я предположила, что он взял своего пса на пробежку, но упустил поводок – однако мужчина был босиком.

«Почему он без обуви?»

Но это было неважно. Сильно ли пострадал его пес?

Мне следовало быть внимательнее за рулем.

– Извините, я не заметила... – начала я, но в ответ на мои слова мужчина грубо рявкнул, словно я его оскорбила:

– Какого черта? Вы что, издеваетесь?

Его голос заставил меня вздрогнуть. Мужчина поднял пса на руки, держа так, словно это был его любимый ребенок. Он выпрямился, я тоже. Он огляделся по сторонам, и я тоже.

– Давайте я отвезу вас к ветеринару, – предложила я, вздрагивая при виде того, как трясется пес у него на руках. Я знала, что меня должен был взбесить тон незнакомца, но когда кто-то в панике, его нельзя винить за грубое поведение. Он ничего не ответил, но я увидела в его глазах замешательство. Лицо его было обрамлено очень густой, темной, неухоженной бородой. Рот его прятался где-то среди этих зарослей на лице, так что мне приходилось полагаться на то, что выражал взгляд мужчины.

– Пожалуйста, – добавила я. – Пешком будет слишком долго.

Он кивнул – только один раз. Потом открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, уселся в кресло, по-прежнему держа пса на руках, и закрыл дверцу за собой.

Поспешно сев за руль, я тронула машину с места.

– Что случилось? – спросила Эмма.

– Нам нужно отвезти этого песика на осмотр, милая. Все хорошо. – Я очень надеялась, что не лгу ей.

До ближайшей круглосуточной ветеринарной больницы было двадцать минут езды, и поездка проходила совсем не так, как мне думалось.

– Сверните налево на Кобблер-стрит, – велел мужчина.

– По Харпер-авеню будет быстрее, – возразила я.

Он прорычал с заметным недовольством:

– Вы понятия не имеете о вождении в городе. Езжайте по Кобблер!

Я сделала вдох.

– Я умею водить.

– Умеете? Если бы вы умели водить, я бы сейчас тут не сидел!

Я готова была выгнать этого грубияна из своей машины, но удержалась только ради его поскуливающей собаки.

– Я уже извинилась.

– Это моему псу никак не поможет.

«Скотина».

– Кобблер-стрит – следующий поворот направо, – сказал он.

– Харпер-авеню – через один поворот направо.

– Не сворачивайте на Харпер.

«Да нет, я поеду по Харпер-авеню хотя бы только для того, чтобы позлить этого типа. Кем он себя считает?»

Я повернула на Харпер.

– Поверить не могу, что вы, мать вашу, решили ехать по Харпер, – простонал он. Его злость заставила меня слегка улыбнуться – пока я не наткнулась на знак «Закрыто. Ведутся строительные работы». – Вы всегда настолько тупы?

– А вы всегда... всегда... всегда... – выдавила я, потому что, в отличие от некоторых, не очень-то умела ругаться с людьми. Я всегда спотыкалась на этом и в конце концов начинала по-детски плакать, потому что нужные слова не приходили мне в голову в нужное время. Я была в спорах полной неумехой, и меткие ответы придумывала только три дня спустя. – Вы всегда такой... такой...

– Всегда какой? Ну, скажите же! Выговоритесь! – приказал он.

Я резко повернула руль, развернув машину в обратном направлении, и направилась к Кобблер-стрит.

– Вы всегда такой...

– Ну же, Шерлок, вы можете, – насмешливо произнес он.

– Козел...ля! – выкрикнула я, поворачивая на Кобблер-стрит.

В машине наступило молчание. Мои щеки горели, пальцы с силой вцепились в рулевое колесо.

Когда я затормозила на подъездной дорожке у клиники, он открыл дверцу и, не говоря ни слова, побежал к приемному покою отделения неотложной помощи, неся пса на руках. Я прикидывала, не следует ли мне развернуться и уехать, но знала, что не успокоюсь, пока не буду знать, что с собакой все в порядке.

– Мама? – спросила Эмма.

– Да, милая?

– А что такое «...ля»?

«Родительская неудача номер пятьсот восемьдесят два на сегодня».

– Не «...ля», солнышко. Я сказала «тля». Тля – это такой жучок, он ест растения.

– Значит, ты сказала, что этот человек – козел и жучок?

– Да. Такой большой жучок с рогами.

– А его собачка умрет? – спросила она.

«Я очень надеюсь, что нет».

Отстегнув Эмму от кресла, я вместе с ней направилась к отделению неотложной помощи. Незнакомец стоял, уперев ладони в стойку регистратуры. Его губы шевелились, но я не слышала, что он говорит.

Женщине, сидевшей за стойкой, явно было не по себе.

– Сэр, я просто говорю, что вам нужно заполнить бланки и сообщить нам номер действующей банковской карточки, иначе мы не сможем провести процедуры по лечению вашей собаки. Кроме того, нельзя вот так входить сюда без обуви. И к тому же ваше поведение недопустимо.

Незнакомец ударил кулаками по стойке и начал расхаживать туда-сюда, ероша свои длинные черные волосы. Потом он сцепил пальцы у себя на затылке, дыхание у него было тяжелое и неровное, грудь вздымалась и опадала.

– Мать вашу, а что, похоже, будто у меня есть при себе банковская карта? Я был на пробежке, идиотка! И если ты ничего не собираешься делать, позови еще кого-нибудь, с кем можно поговорить по-людски!

Женщина вздрогнула от его слов и его ярости, как и я.

– Они со мной, – сказала я, подходя к стойке. Эмма цеплялась за мою руку, свободной рукой держась за лапу Буббы. Я залезла в свою сумочку, достала бумажник и протянула в регистратуру свою карточку.

Женщина в сомнении прищурила глаза.

– Вы с ним? – спросила она почти презрительно, как если бы незнакомец заслуживал полного одиночества до конца жизни.

Никто не заслуживает одиночества.

Я оглянулась на него и увидела в его глазах недоумение – помимо все еще пылавшего в них гнева. Я хотела отвести взгляд, но горечь, промелькнувшая в его глазах, показалась мне настолько знакомой, что я не смогла этого сделать.

– Да, – кивнула я. – Я с ним. – Женщина по-прежнему медлила, и я выпрямилась. – У вас с этим какие-то проблемы?

– Нет-нет, мне просто нужно, чтобы вы заполнили вот этот бланк.

Я взяла у нее картонку с прикрепленным листком бумаги и отошла к креслам.

Висящий на стене телевизор был включен на канал Animal Planet, в дальнем углу стоял игрушечный поезд, который очень быстро оккупировали Эмма с Буббой. Незнакомец смотрел на меня, взгляд его был мрачным и отстраненным.

– Мне понадобятся сведения, – сказала я. Он медленно подошел, опустился рядом со мной и сложил руки на коленях. Я спросила:

– Как его зовут? Вашего пса?

Он разлепил губы и помедлил, прежде чем ответить:

– Зевс.

Я улыбнулась, услышав это имя – идеальное имя для крупного золотистого ретривера.

– А вас как зовут?

– Тристан Коул.

Заполнив бланк, я вернула его женщине.

– Если Зевсу будет что-то нужно, я оплачу это со своей карты.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Счет может быстро вырасти, – предупредила она.

– Значит, оплачивайте его быстро.

Я снова села рядом с Тристаном. Он стал постукивать пальцами по своим шортам, и я наблюдала, как он пытается справиться с нервами. Насколько я могла видеть, его взгляд выражал то же самое замешательство, которое читалось в нем с самого момента нашей встречи.

Он что-то пробормотал себе под нос, начал быстро потирать пальцы один о другой, потом закрыл уши наушниками и нажал кнопку воспроизведения на кассетном плеере.

Эмма время от времени подходила ко мне и спрашивала, когда мы поедем домой, и я просила ее еще немного подождать. Прежде чем вернуться обратно к игрушечному поезду, она посмотрела на Тристана, взгляделась в его лицо.

– Эй, мистер!

Он проигнорировал ее. Она уперла руки в бока и повторила, повысив голос:

– Эй, мистер! – Год пребывания в доме моей матери превратил Эмму из моего маленького подобия в мелкого монстрика. – Эй, мистер, я с вами разговариваю! – Она топнула ногой, и незнакомец посмотрел на нее. – Вы большая, жирная, огромная ТЛЯ!

«О господи!»

Мне нельзя было становиться матерью. Я провалила свою родительскую роль.

Я хотела было выбрать Эмму, но на секунду заметила в густой бороде Тристана слабую улыбку. Она была почти незаметной, но, честное слово, я увидела, как изогнулась его нижняя губа. Эмма была способна вызвать улыбку даже у самых мрачных людей, и я была живым доказательством этому.

Прошло еще полчаса, прежде чем ветеринар вышел и сообщил, что с Зевсом все будет в порядке – всего лишь несколько ушибов и сломанная передняя лапа. Я поблагодарила врача, и когда он ушел, Тристан наконец-то разжал руки и замер неподвижно. Потом его начала бить крупная дрожь. За один глубокий вдох грубая ярость сменилась страданием. Эмоции взяли над ним верх, и выдох получился судорожным, похожим на рыдание. Потом Тристан заплакал. Он всхлипывал, по щекам его текли слезы – неуправляемые, горькие. У меня тоже защемило в глазах, как будто мое сердце разрывалось, как и у него.

– Эй, мистер Тля! Послушай, Тля! Не плачь! – попросила Эмма, дергая Тристана за футболку. – Все хорошо!

– Все хорошо, – подтвердила я слова моей милой девочки и успокаивающим жестом положила руку ему на плечо. – С Зевсом все будет в порядке. С ним все хорошо. И с вами тоже.

Он склонил голову и кивнул, как будто отчасти поверив мне. Сделав несколько глубоких вдохов, он прижал ладони к глазам и помотал головой, изо всех сил пытаясь скрыть свой стыд и смущение.

Потом Тристан откашлялся и отодвинулся от меня.

Мы сохраняли дистанцию, пока ветеринар не принес Зевса и не сообщил, что мы можем ехать. Тристан прижал к себе пса – сонного, но пытающегося вилять хвостом и дарить своему хозяину собачьи поцелуи. Тристан улыбнулся – на этот раз улыбку нельзя было не заметить. Это была широкая улыбка облегчения. Именно в таких моментах и выражается любовь.

Я не вторгалась в их личное пространство. Эмма взяла меня за руку, и мы пошли прочь из больницы, держась в нескольких шагах позади Тристана и Зевса.

Тристан, так и держа пса на руках, побрел куда-то, явно не желая, чтобы его подвезли обратно. Я хотела было остановить его, но у меня не было никаких причин окликать его. Я пристегнула Эмму к ее креслу и закрыла дверцу с ее стороны. Потом, вздрогнув, осознала, что Тристан стоит в нескольких дюймах от меня. Он смотрел мне прямо в глаза, и я не могла отвести взгляд. Мое дыхание сбивалось, я пыталась вспомнить, когда я в последний раз стояла так близко к мужчине.

Он шагнул ближе. Я оставалась на месте.

Он сделал вдох. Я тоже.

Один-единственный вдох. Это все, на что я была способна.

От его близости мой желудок завязывался в узел, я уже приготовилась сказать «пожалуйста», потому что была уверена, что он собирается поблагодарить меня.

– Научитесь как следует водить машину, мать вашу! – прошипел он и пошел прочь.

Ни «спасибо, что оплатили счет», ни «спасибо, что подвезли» – вместо этого «научитесь как следует водить машину, мать вашу».

Ну что ж.

Тихим шепотом я бросила на ветер, овевавший мое заледеневшее лицо:

– Всегда пожалуйста, мистер Тля.

Глава 3. Элизабет

– Что-то вы долго сюда добирались! – с улыбкой сказала Кэти, выходя из дверей дома. Я понятия не имела, что они с Линкольном будут встречать нас у дома, но это было вполне закономерно: они не видели нас уже давно, а жили всего в пяти минутах пути от нас.

– Бабуля! – воскликнула Эмма, когда я отстегнула ее от кресла. Она выскочила из машины и побежала к своей бабушке, радостная, как никогда. Кэти обняла Эмму и подхватила на руки, прижимая к себе. – Мы вернулись домой, бабуля!

– Знаю-знаю. И мы очень рады это слышать, – отозвалась Кэти, осыпая личико Эммы поцелуями.

– А где деда? – спросила девочка про Линкольна, своего дедушку по отцу.

– Ищешь меня? – поинтересовался Линкольн, выходя из дома. Он выглядел намного моложе своих шестидесяти пяти лет. Кэти и Линкольн, наверное, никогда по-настоящему не должны были постареть – у них были самые молодые сердца в мире, и они были куда активнее, чем большинство моих ровесников. Однажды я пришла на пробежку вместе с Кэти и выдохлась примерно через тридцать минут – а она сказала, что мы пробежали только четверть ее обычного маршрута.

Линкольн принял Эмму из рук жены и подкинул в воздух.

– Ну-ну-ну, и кто это у нас тут?

– Деда, это я! Эмма! – засмеялась она.

– Эмма? Не может быть! Ты слишком большая для того, чтобы быть моей маленькой Эммой.

Она замотала головой.

– Деда, деда, это я!

– Ну, если так, то докажи. Моя малышка Эмма всегда целовала меня по-особенному. Ты так умеешь?

Эмма наклонилась вперед и потерлась носом об обе щеки Линкольна, а потом чмокнула его в нос.

– О боже, это и правда ты! Так чего же ты ждешь? У меня есть красно-бело-синее мороженое, специально для тебя. Идем в дом! – Линкольн повернулся ко мне и приветственно подмигнул. Потом вместе с внучкой устремился к дому, а я улучила несколько секунд, чтобы оглядеться.

Трава выросла высокая, в ней росли сорняки и «пожелайки», как любила называть их Эмма. Ограда, которую мы начали устанавливать, была закончена только наполовину – Стивен так и не успел завершить эту работу. Мы хотели огородить участок, чтобы Эмма не подходила слишком близко к проезжей части дороги и не забрела случайно в обширный лес, начинавшийся за нашим домом.

У боковой стены дома лежали белые деревянные столбики, ожидая, пока кто-нибудь доделает ограду. Я бросила взгляд в сторону заднего двора. За наполовину построенным забором виднелись кроны деревьев – лесная чаща тянулась на многие мили. Часть моей души хотела убежать, затеряться в этом лесу и остаться там на долгое время.

Кэти подошла и обняла меня, крепко прижав к себе. Я немного расслабилась и обняла ее в ответ.

– Ты как, держишься? – спросила она.

– Пока еще держусь.

– Ради Эммы?

– Ради Эммы.

Кэти сильнее сжала меня в объятиях, потом отпустила.

– Во дворе полный беспорядок. Никто не был здесь с тех пор, как... – Голос ее прервался, улыбка погасла. – Линкольн сказал, что позаботится об этом.

– Да нет, не нужно. На самом деле я могу справиться со всем сама.

– Лиз...

– Правда, Кэти. Я так хочу. Я хочу все восстановить.

– Ну если ты так уверена... По крайней мере, твой двор – не самый грязный в квартале, – пошутила она, кивнув в сторону соседского дома.

– Там кто-то живет? – спросила я. – Мне казалось, что дом мистера Рейкса никто не купит после всех этих слухов о том, что там водятся призраки.

– Да. Но кто-то действительно купил этот дом. Я не сплетница, но тип, который теперь живет там, немного странный. Ходят слухи, будто он бежит от чего-то, что он сделал в прошлом.

– Что? Ты имеешь в виду, он преступник?

Кэти пожала плечами.

– Мэрибет сказала, что слышала, будто он зарезал человека. А Гэри сказал, что этот человек убил кота за то, что тот мяукнул не вовремя.

– Не может быть! Что за... Неужели мне придется жить по соседству с психопатом?

– Да нет, я уверена, что все в порядке. Ты же понимаешь, в маленьких городках всегда ходят слухи, но я сомневаюсь, что в них есть хоть капля правды. Но этот человек работает в магазине у Чокнутого Хенсона, так что, наверное, у него и правда с головой не все в порядке. Но ты просто запирай на ночь двери, вот и все.

Мистер Хенсон был владельцем магазина «Нужные вещи» в центральной части Мидоус-Крик и одним из самых странных людей, о которых я когда-либо слышала. О его странностях я знала только по словам других людей.

В Мидоус-Крик лучше всего умели жить так, как живут в маленьких городах, и сплетничать. Люди постоянно к чему-то стремились, но никто ничего по-настоящему не добивался.

Я посмотрела на другую сторону улицы и заметила трех человек, обменивающихся слухами возле почтовых ящиков. Две женщины деловито прошли мимо моего дома, и я услышала, как они беседуют о моем возвращении в город – они даже не поздоровались со мной, зато сразу начали обо мне сплетничать. Из-за угла вышел мужчина с маленькой дочкой – он учил ее ездить на детском велосипеде, и, похоже, она впервые села на этот велосипед без дополнительных колесиков.

На моих губах возникла улыбка. Это была типичная жизнь маленького городка. Все знали все обо всех, и эти сведения быстро расползались по округе.

– Как бы то ни было, – с улыбкой продолжила Кэти, возвращая меня к реальности, – мы привезли кое-что для барбекю и для ужина. Забили твой холодильник до отказа, так что тебе не придется беспокоиться о закупке продуктов еще неделю или две. И к тому же мы расстелили на крыше одеяла, чтобы посмотреть фейерверки, которые начнутся... – Небо засветилось синим и красным, наполнив мир цветным огнем. – Сейчас!

Я посмотрела в сторону крыши и увидела Линкольна с Эммой на руках. Они расположились поудобнее и восклицали: «О-о-о! А-а-а!» – всякий раз, когда вечерний сумрак озарялся огнями.

– Иди сюда, мама! – позвала Эмма, не отрывая глаз от сполохов в небе.

Кэти обняла меня за талию, и мы направились к дому.

– После того как Эмма уснет, я хотела бы распить с тобой бутылочку вина. Мы приготовили несколько специально для тебя.

– Для меня? – переспросила я. Она улыбнулась.

– Для тебя. Добро пожаловать обратно домой, Лиз.

«Домой».

Я гадала, когда эта колючая боль утихнет.

* * *

Линкольн захотел уложить Эмму спать, но задержался дольше обычного, и я решила заглянуть к ним. Всякий раз, когда я укладывала дочь в кровать по вечерам, она доставляла мне немало проблем, и я была уверена, что деду тоже приходится нелегко. Я на цыпочках прокралась по коридору, но не услышала капризного плача – и это был добрый знак. Заглянув в комнату, я обнаружила, что дед и внучка крепко спят на кровати, и ступни Линкольна свешиваются за край матраса.

Кэти, подойдя ко мне сзади, хихикнула:

– Не знаю, кто больше рад воссоединению, Линкольн или Эмма.

Она провела меня в гостиную, и мы уселись за столик, на котором стояли две самые большие винные бутылки, какие я когда-либо видела.

– Ты пытаешься напоить меня? – засмеялась я. Она в ответ хмыкнула:

– Если тебе от этого станет легче, я просто обязана это сделать.

Мы с Кэти всегда были очень дружны. Моя мать в мои отроческие годы не очень-то баловала меня заботой и теплом, и когда я вышла замуж за Стивена и познакомилась с Кэти, это было словно глоток свежего воздуха. Она приняла меня с распростертыми объятиями и никогда меня не отталкивала. Когда она узнала о том, что я беременна Эммой, то заплакала от радости – еще более бурно, чем я сама.

– Я чувствую себя ужасно виноватой за то, что так надолго разлучила их, – сказала я, прихлебывая вино из своего бокала и глядя вдоль по коридору в сторону Эмминой комнаты.

– Милая, твоя жизнь перевернулась вверх дном. Когда происходят трагедии, в которых замешаны дети, ты не думаешь, ты просто действуешь. Ты сделала то, что считала лучшим – ты выживала. И не можешь винить себя в этом.

– Да. Но у меня возникает ощущение, что я убежала отсюда ради себя самой, а не ради Эммы. Просто все это было слишком тяжело, чтобы я могла справиться. Эмме, наверное, лучше было бы оставаться здесь. Она скучала по этому месту. – Мне на глаза навернулись слезы. – И мне следовало навещать вас с Линкольном, звонить чаще. Мне очень жаль, Кэти.

Она подалась в мою сторону, оперев локти в колени.

– А теперь послушай меня, милая. Сейчас без восемнадцати минут одиннадцать часов вечера, и прямо сейчас, в десять сорок две, ты перестаешь винить себя. Прямо сейчас, в этот момент, ты прощаешь себя. Мы с Линкольном все понимаем. Мы знаем, что тебе нужна была передышка. Не думай, что ты должна искупать какую-то там вину перед нами, потому что ты не должна.

Я вытерла несколько слезинок, выкатившихся из глаз.

– Дурацкие слезы, – засмеялась я.

– Ты знаешь, что поможет унять слезы? – спросила Кэти.

– И что же?

В ответ она налила мне еще один большой бокал вина. «Умная женщина».

Мы еще несколько часов сидели и болтали, и чем больше мы пили, тем больше смеялись. Я забыла уже, как тепло бывает от смеха. Она спросила меня о моей матери, и я, не удержавшись, сморщила нос.

– Она все еще не пришла в себя. В каком-то смысле она ходит кругами, совершая одни и те же ошибки с людьми одного и того же типа. Я гадаю, есть ли точка, после которой человек уже никогда не может вернуться к себе. Мне кажется, она всегда теперь будет такой.

– Ты любишь ее?

– Да. Даже тогда, когда мне не нравится то, что она делает.

– Тогда не отказывайся от нее, не теряй надежды. Даже если тебе какое-то время нужно пожить отдельно. Люби ее и верь в нее, пусть даже издали.

– Как ты стала такой мудрой? – спросила я. Кэти по-волчьи улыбнулась и протянула руку, чокаясь со мной, потом налила себе еще один бокал вина. «Очень умная женщина». – Ты не сможешь завтра присмотреть за Эммой? Я собираюсь поехать в город и поискать какую-нибудь работу. Может быть, Мэтти нужны лишние руки в кафе.

– Можно мы заберем Эмму к себе на выходные? Тебе неплохо будет уделить несколько дней себе самой. Можем начать с вечера пятницы, пусть заночует у нас. Все равно, как мне кажется, Линкольн не собирается так быстро отпускать ее.

– Вы хотите сделать это для меня?

– Мы бы сделали для тебя что угодно. И, кроме того, всякий раз, когда я прихожу в кафе, Файя спрашивает: «А как моя лучшая подруга? Она еще не вернулась?» Так что, полагаю, она будет не прочь поболтать с тобой один на один.

Я не видела Файю со дня смерти Стивена. Хотя мы разговаривали почти каждый день, она понимала, что мне нужно личное пространство. Я надеялась, что она поймет: теперь мне нужна моя лучшая подруга, чтобы я могла начать все сначала.

– Я понимаю, сейчас, возможно, не лучшее время для таких вопросов, но ты не думала о том, чтобы снова поднять свой бизнес и заняться им? – спросила Кэти.

Три года назад мы со Стивеном основали фирму In&Out Design. Он работал над внешним оформлением домов, в то время как я разрабатывала дизайн интерьеров для частного жилья и рабочих помещений. Наш офис находился в деловом центре Мидоус-Крик, и это был один из лучших периодов в моей жизни, но правда заключалась в том, что основной доход нам приносили навыки Стивена по оформлению участков – вместе с его дипломом по соответствующей специальности. Я ни за что не смогла бы вести это дело в одиночку. Диплом специалиста по интерьерам в Мидоус-Крик давал мне возможность работать в мебельном магазине и продавать людям раскладные кресла по завышенной цене. Еще я могла вернуться к специальности, освоенной в колледже, и трудиться в каком-нибудь заведении общественного питания.

– Не знаю. Но, скорее всего, нет. Без Стивена это вряд ли возможно. Мне просто нужно найти какую-нибудь стабильную работу и постараться забыть об этих мечтаниях.

– Я понимаю. Но не бойся начать мечтать о чем-нибудь новом. Ты очень хорошо делала свою работу, Лиз, и она тебя радовала. Всегда нужно держаться за то, что приносит тебе больше всего радости.

После того как Кэти и Линкольн отправились к себе домой, я покрутила замки на входной двери, которые мы со Стивеном собирались сменить много месяцев назад. Зевнув, я пошла к себе в спальню, но остановилась в дверях. Кровать была идеально застелена, и я не нашла в себе силы снова войти в эту комнату. Казалось почти предательством заползти в постель и закрыть глаза, если рядом не будет Стивена.

«Один вдох. Один шаг».

Я вошла, направилась к шкафу и широко распахнула дверцы. Вся одежда Стивена висела на вешалках, я провела по ней пальцами, и меня затрясло. Сняв с вешалок все его вещи, я швырнула их на пол, чувствуя, как слезы обжигают мне глаза. Открыв ящики шкафа, я достала все остальное, принадлежавшее ему. Джинсы, футболки, спортивные костюмы, нижнее белье. Все предметы одежды Стивена до единого в конечном итоге оказались на полу.

Я легла в эту груды и перекатилась на спину, вдыхая слабый запах Стивена – или притворяясь, будто этот запах все еще чувствуется. Я шептала его имя, как будто он мог меня слышать, я цеплялась за воспоминания о том, как он обнимал и целовал меня. Слезы моего измученного сердца катились на рукав любимой футболки мужа, и я все глубже и глубже погружалась в свою скорбь. Мои рыдания были неудержимыми и частыми, полными боли, словно я была раненым животным. Все болело. Все было сломано. С каждой минутой я все сильнее чувство-

вала усталость от собственных эмоций. И в конце концов глубокое утомление от этого жуткого одиночества заставило меня погрузиться в беспробудный сон.

* * *

Когда я открыла глаза, снаружи все еще было темно. Рядом со мной лежала моя прелестная дочка вместе со своим верным Буббой. Она укрывалась самым краешком одеяла, остальным одеялом заботливо укрыв меня. Всякий раз в такие моменты я чувствовала себя похожей на свою мать. Я помнила, как я заботилась о ней, когда сама была еще совсем юной. Это было нечестно по отношению к Эмме. «Я ей нужна». Я придвинулась ближе к ней, поцеловала ее в лоб и пообещала себе, что не стану больше так расклеиваться.

Глава 4. Элизабет

На следующее утро Кэти и Линкольн, бодрые и радостные, явились пораньше, чтобы забрать Эмму на выходные, полные приключений. Как раз тогда, когда я собиралась выйти из дома, раздался стук в дверь. Открыв, я улыбнулась самой широкой и фальшивой из всех своих улыбок и уставилась на трех женщин, живущих в нашем квартале – трех женщин, по которым я ничуть не скучала.

– Здравствуйте, Мэрибет, Сьюзен, Эрика.

Мне следовало предвидеть, что не пройдет и дня, как эти три главные сплетницы в городе будут стоять у меня на крыльце.

– О Лиз, – выдохнула Мэрибет, заключая меня в объятия. – Как поживаешь, дорогая? Мы слышали, что ты возвращаешься в город, но ты же знаешь, мы ненавидим сплетни, поэтому пришли убедиться лично.

– Я сделала для тебя мясной рулет! – воскликнула Эрика. – После смерти Стивена ты уехала так быстро, что я не успела утешить тебя чем-нибудь вкусным, но теперь я наконец-то могу угостить тебя этим рулетом, чтобы помочь пережить горе.

– Спасибо, дамы. На самом деле я как раз собиралась идти...

– А как пережила все это Эмма? – вклинулась Сьюзен. – Она сильно горюет? Моя Рейчел спрашивала о ней и о том, когда они снова могут поиграть вместе, так что она будет рада. – Она сделала паузу и подалась вперед. – Но скажи честно, Эмма ведь не страдает от депрессии? Я слышала, что это может быть заразно для других людей.

«Ненавижу вас, ненавижу вас, ненавижу вас!»

Я улыбнулась.

– О нет, с Эммой все хорошо. У нас все хорошо. Все хорошо.

– Так ты будешь снова ходить на собрания нашего книжного клуба? Мы каждую среду встречаемся у Мэрибет. Дети играют в цокольном этаже, а мы разговариваем о каком-нибудь романе. На этой неделе мы читаем «Гордость и предубеждение».

– Я... – «На самом деле совершенно не хочу туда идти». Эта троица пожирала меня глазами, и я знала, что если я скажу «нет», то лишь увеличу количество проблем. Вряд ли оно того стоило. И к тому же Эмме будет полезно поиграть с ровесницами. – Я приду.

– Отлично! – Мэрибет окинула взглядом двор. – Твой двор очень выделяется среди других. – Она сказала это с улыбкой, но на самом деле ее слова означали: «Когда ты подстрижешь траву? Ты позоришь всех нас».

– Я работаю над этим, – ответила я. Взяв рулет у Эрики, я унесла его в дом, потом выскочила на крыльцо и заперла дверь, стараясь как можно яснее показать им, что я ухожу. – Что ж, дамы, спасибо, что зашли, но я как раз собиралась в город.

– Да? И какие же дела у тебя в городе? – спросила Мэрибет.

– На самом деле я хочу узнать, не нужна ли Мэтти еще одна помощница в «Деликатесах и сладостях».

– Они только что кого-то наняли, поэтому я сомневаюсь, что у них найдется лишнее местечко для тебя, – заявила Эрика.

– А, так значит, слухи о том, что ты не будешь снова открывать свою фирму, были правдивы? Что ж, это вполне разумно, ведь Стивена больше нет, – сказала Мэрибет. Сьюзен кивнула, соглашаясь с ней.

– Он был очень деловым человеком. А я знаю, что у тебя есть только корочки дизайнера по интерьерам. Должно быть, грустно перейти от такой крутой должности к чему-то настолько... обычному, как работа официантки. Я знаю, что я бы так не смогла. Это большой шаг назад.

«Заткнитесь, твари, заткнитесь!» Я улыбнулась.

– Что ж, посмотрим. Было приятно встретиться. Я уверена, что вскоре мы еще увидимся.

– В среду в семь! – напомнила Сьюзен.

Я протолкалась мимо них и закатила глаза, когда услышала, как они перешептываются за моей спиной: о том, как я выгляжу, и, похоже, я набрала несколько фунтов веса, и какие у меня под глазами мешки...

Я шла к кафе «Деликатесы и сладости», изо всех сил стараясь успокоить нервы. Что, если в кафе действительно не нужны больше работники? Как мне зарабатывать деньги? Родители Стивена сказали, чтобы я не беспокоилась о таких вещах, сказали, что они какое-то время будут нам помогать, – но я так не могла. Мне нужно было найти способ самой держаться на плаву. Открыв дверь кафе, я улыбнулась, когда услышала громкий крик из-за стойки.

– Пожалуйста, скажи мне, что я не сплю и что моя лучшая подруга действительно вернулась! – воскликнула Файя, выскакивая из-за стойки и сжимая меня в медвежьих объятиях. Не отпуская меня, она повернулась к Мэтти, владельцу кафе. – Мэтти, скажи мне, что ты тоже это видишь, что мне не чудится от всех тех лекарств, которые я приняла перед тем, как пойти на работу.

– Она действительно здесь, с ума сойти. – Он усмехнулся. Мэтти был уже в возрасте, и на громкое эмоциональное поведение Файи он обычно реагировал, закатывая глаза и усмехаясь. Глянув на меня своими карими глазами, он коротко кивнул. – Рад видеть тебя, Лиз.

Файя положила голову мне на грудь, словно на подушку.

– Теперь, когда ты здесь, ты больше никогда и никуда не уедешь.

Файя была красива на свой уникальный, великолепный манер. Волосы у нее были осветлены до платинового цвета – что необычно для двадцати семи лет, – и отдельные пряди были выкрашены в розовый и фиолетовый цвета. Ногти она всегда покрывала ярким лаком, а платья неизменно идеально облегали изгибы ее тела. Но красивой ее делало не все это, а ее непоколебимая уверенность. Файя знала, что она потрясающая, и знала также, что это не имеет никакого отношения к ее внешности. Ее гордость собой шла изнутри, ей не нужны были стороннее одобрение и восхищение.

Я завидовала этому ее качеству.

– На самом деле я пришла узнать, не ищите ли вы сейчас работников. Я знаю, что я не работала в кафе с самого колледжа, но я могу взяться за эту работу.

– Конечно, мы ищем кого-нибудь! Эй ты, Сэм! – сказала Файя, указывая на незнакомого мне официанта. – Ты уволен!

– Файя! – воскликнула я.

– Что?

– Ты не можешь так просто увольнять людей, – укорила я ее, видя страх в глазах Сэма. «Бедняга». – На самом деле вы не уволены, – сказала я ему.

– Да нет, он уволен!

– Замолчи, Файя. Нет, вы не уволены. Как ты вообще можешь увольнять людей?

Она выпрямилась во весь рост и постучала пальцам по своему бейджику с надписью «менеджер».

– Кто-то должен руководить всеми этими бездельниками, женщина.

Я повернулась к Мэтти, удивленно глядя на нее.

– Ты назначил Файю менеджером?

– Мне кажется, она мне что-то подсыпала. – Он засмеялся. – Но если тебе действительно нужна работа, мы всегда найдем для тебя местечко. Просто, возможно, на неполный день.

– На неполный день – это вполне неплохо на самом деле. – Я с благодарностью улыбнулась Мэтти.

– Или мы можем все же уволить Сэма, – продолжала гнуть свое Файя. – У него уже есть другая подработка. И к тому же он какой-то жуткий.

– Я тебя слышу, – застенчиво напомнил Сэм.

– Неважно, слышишь ты меня или нет, ты уволен.

– Мы не будем увольнять Сэма, – сказал Мэтти.

– Ты какой-то скучный. А знаешь, что будет не скучно? – Она сняла свой передник и гаркнула: – Перерыв на обед!

– Сейчас только полдесятого утра, – сурово напомнил ей Мэтти.

– Перерыв на завтрак! – поправила себя Файя и потянула меня за локоть. – Мы вернемся через час.

– Перерывы длятся полчаса.

– Я уверена, Сэм обслужит мои столики. Сэм, ты больше не уволен.

– Ты и не был уволен, Сэм, – улыбнулся Мэтти. – Один час, Файя. Лиз, постарайся, чтобы она вернулась вовремя, иначе я уволю уже ее.

– Вот как? – спросила Файя, упирая ладони в бедра почти... игриво? Мэтти усмехнулся, его взгляд скользнул по ее телу почти... сексуально?

«Какого черта?..»

Мы вышли из здания, Файя взяла меня под руку, но в голове у меня все еще вертелся тот непонятный разговор между нею и Мэтти.

– Что это было? – спросила я у Файи, приподняв брови.

– Что было что?

– Это, – сказала я, указывая в сторону кафе, где остался Мэтти. – Это небольшое сексуальное танго, которое вы только что протанцевали. – Она не ответила, только начала покусывать нижнюю губу. – О боже... ты спала с Мэтти?

– Заткнись! Ты хочешь, чтобы весь город знал? – Она покраснела и огляделась по сторонам. – Это вышло случайно.

– Да? Вот как? Действительно случайно? Ты просто шла по Мейн-стрит, а потом тебе навстречу попался Мэтти, и у него из штанов случайно вывалился член? А потом налетел сильный порыв ветра, подхватил этот член и забросил тебе между ног? Это была такая случайность, да? – пошутила я.

– Не совсем такая. – Файя выпятила щеку, оперев в нее изнутри язык. – На самом деле сначала ветер забросил член мне в рот.

– О господи, Файя!

– Знаю-знаю. Вот почему не следует выходить на улицу в ветреный день. В такие дни члены просто стаями летают.

– Поверить не могу, он же вдвое старше тебя!

– Что я могу сказать? У меня проблемы с отцовской фигурой.

– О чем ты говоришь? У тебя потрясающий папа, – возразила я.

– Вот именно. Никто из наших ровесников с ним не сравнится. Но Мэтти... – Она вздохнула. – Кажется, он мне нравится.

Это был шок. Файя никогда не употребляла слово «нравится» в адрес мужчин. Сколько я ее знала, она просто меняла парней, как перчатки.

– В каком смысле – нравится? – спросила я, и в моем голосе звучала надежда на то, что моя подруга наконец-то образумится.

– Эй, потише на поворотах, Шумахер! Я имею в виду – мне нравится член. Я даже дала ему прозвище. Хочешь знать, какое?

– Ради всего святого, нет.

– Но я все равно тебе скажу.

– Файя... – вздохнула я.

– Фэтти-Мэтти², – произнесла она, и ее хищная улыбка сделалась шире.

– Знаешь, ты не должна делиться со мной подобными вещами. Никогда. То есть никогда вообще.

– Я хочу сказать, что если взять две сосиски, то получится один Фэтти-Мэтти. Как будто бог колбасок наконец-то услышал мои молитвы. Это куда лучше любой докторской колбасы. Фэтти-Мэтти – просто колбасный пророк земли обетованной.

– Серьезно, меня уже тошнить начинается. Может, хватит все-таки?

Она засмеялась и привлекла меня ближе к себе.

– Боже, я так по тебе скучала! Так что скажешь – может, пойдем в наше обычное место для прогулок?

– Да, конечно.

Мы прошли несколько кварталов, и Файя непрерывно смешила меня. Я удивлялась: как я могла так надолго расстаться с ней? Может быть, я отчасти чувствовала себя виноватой, зная, что если я останусь рядом с ней, то мне постепенно будет становиться лучше, а мысль о том, что мне станет лучше, ужасала меня. Но сейчас, похоже, смех был именно тем, что мне требовалось. Когда я смеялась, мне некогда было плакать, а я ужасно устала от слез.

– Немного странно быть здесь без Эммы, – сказала Файя, сидя на качелях на игровой площадке. Нас окружали дети, пришедшие сюда с родителями и нянями. Дети бегали и играли, а мы качались на качелях. Кто-то из детей уставился на нас, словно считал нас сумасшедшими, потому что мы гуляем на детской площадке, но Файя крикнула ему:

– Никогда не взрослей, малыш! Это чертова ловушка!

Она неизменно оставалась ужасно странной.

– И как же долго у вас с Мэтти все это продолжается? – спросила я. Она покраснела.

– Не знаю, наверное, месяц. Или два.

– Два месяца?

– Может быть, семь. Или восемь.

– Восемь? Что?! Мы же каждый день с тобой разговаривали. Почему ты об этом даже не упомянула?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Ты так много пережила из-за Стивена, понимаешь? И мне казалось бессердечным рассказывать тебе о своих связях. – Файя никогда не *заводила отношений*, она просто *вступала в связи*. – У меня были какие-то мелочи, у тебя... – Она нахмурилась и перестала раскачивать качели, так, что доска остановилась в промежуточном положении между небом и землей.

Файя нечасто становилась серьезной, но Стивен для нее был как брат. Они спорили и ссорились чаще, чем любые родные брат и сестра, которых я когда-либо встречала, но при этом очень заботились друг о друге. Они были знакомы с пятого класса и были лучшими друзьями. На самом деле я не видела того, как она горевала после его смерти, но я уверена, что это горе и сейчас оставалось с ней. Наверное, я слишком ушла в свой мир отчаяния и позабыла о том, что моя лучшая подруга потеряла своего названного брата.

Она откашлялась и напряженно улыбнулась мне.

– Мои проблемы были мелкими, Лиз. А твои – нет.

Она снова начала качать качели – вверх-вниз.

– Я хотела, чтобы ты знала, что всегда можешь рассказать мне о чем угодно, Файя. Я хочу знать обо всех твоих секс-приключениях с пожилым хозяином кафе. И, кроме того, мелочей в твоей жизни не бывает. Я имею в виду – ты только посмотри на свои сиськи!

Она громко рассмеялась, откинув голову назад. Когда Файя смеялась, вся вселенная чувствовала ее радость.

² *Фэтти* (Fatty) – толстый (англ.).

– Знаю! Эти сиськи – не шутка!

– Наверное, нам нужно возвращаться, пока тебя не уволили, – заметила я.

– Если он меня уволит, то в его жизни останутся одни синейцевые мужики.

– Файя... – Я покраснела и оглянулась на людей, смотрящих в нашу сторону. – Фильтруй речь!

– Фильтры – это для сигарет, а не для людей, Лиз, – пошутила она. Мы направились обратно в кафе, она снова взяла меня под руку, подладив шаг под мою походку. – Я рада, что ты вроде как вернулась, Лиз, – прошептала Файя, положив голову мне на плечо.

– «Вроде как»? Что ты этим хочешь сказать? Я здесь, я вернулась.

Она взглянула на меня с понимающей улыбкой.

– Пока еще нет. Но очень скоро ты вернешься, крошка.

Невероятно, как она могла рассмотреть мою боль под внешней веселостью. Я придвинулась ближе к подруге, зная, что не захочу расставаться с ней в ближайшее время.

Глава 5. Элизабет

– Лиз, и тебе хватило наглости уехать вместе с Эммой и даже не позвонить мне! – бранила меня мама по телефону. Мы с Эммой жили в нашем доме уже два дня, а мама позвонила мне только теперь. Либо из-за того, что она была зла на меня, потому что я всего лишь оставила ей записку, либо она все это время слонялась по городу с каким-нибудь мужчиной и только сейчас вернулась домой.

Я склонялась ко второму варианту.

– Извини, но ты же знала, что мы собираемся уехать... Нам был нужен новый старт, – попыталась объяснить я.

– Новый старт в старом доме? Это полная бессмыслица.

Я и не ожидала, что она поймет, поэтому сменила тему.

– Как прошел твой ужин с Роджером?

– С Ричардом, – проворчала она. – Не притворяйся, будто не запомнила его имя. А было все потрясающе. Мне кажется, он может оказаться *тем самым*.

Я закатила глаза. Каждый мужчина, который попадался ей на глаза, был «тем самым» – пока не становился «не тем».

– Ты про себя смеешься надо мной? – спросила мама.

– Нет.

– Смеешься, да? Ты иногда совершенно без уважения относишься ко мне.

– Мама, мне нужно идти на работу, – солгала я. – Я перезвоню тебе позже, ладно?

«Может быть, завтра. Может быть, на следующей неделе. Мне нужно немного свободы».

– Отлично. Но не забывай, кто был рядом с тобой, когда у тебя больше никого не было, девочка моя. Конечно, родители Стивена, наверное, помогают тебе сейчас, но настанет момент, когда ты поймешь, кто действительно твоя семья, а кто нет.

Я никогда еще не была так рада завершить телефонный звонок.

* * *

Иногда я просто стояла на заднем дворе, глядя на разросшиеся кусты и высокую траву и пытаюсь вспомнить, как все это выглядело прежде. Стивен придавал этому месту невероятную красоту. Если речь шла о ландшафтном дизайне, он неизменно подмечал малейшие детали, и сейчас я почти ощущала запах посаженных им цветов – хотя все они уже давным-давно увяли.

– *Закрой глаза, – прошептал Стивен, подходя ко мне и держа руки за спиной. Я послушалась. – Угадай цветок, – сказал он.*

Запах коснулся моего обоняния, и я улыбнулась.

– *Гиацинт.*

Улыбка моя стала еще шире, когда он поцеловал меня.

– *Гиацинт, – повторил Стивен за мной. Я открыла глаза, и он заложил цветок мне за ухо. – Я думал о том, чтобы посадить их возле пруда на заднем дворе.*

– *Это мой любимый цветок, – сказала я.*

– *А ты моя любимая женищина, – отозвался он.*

Я моргнула и вернулась в настоящее, тоскуя по ароматам прошлого.

Мой взгляд упал на соседний дом – лужайка у соседа выглядела еще хуже, чем моя. Дом был построен из красновато-бурого кирпича, по всем его стенам вились плети плюща. Трава во дворе была в десять раз выше, чем у меня, а на заднем крыльце я увидела фигурку

садового гнома, расколотую на куски. В нестриженной траве пряталась детская бейсбольная бита из желтого пластика вместе с игрушечным динозавром.

Рядом с гаражом стоял маленький столик, красная краска облетала с него хлопьями. У стены гаража были сложены поленья, и я гадала, действительно ли в этом доме кто-то живет.

Дом казался еще более заброшенным, чем прежде, и я не могла не думать о том, что же за человек мой сосед.

Позади всего нашего квартала тянулась опушка леса Мидоус-Крик. Деревья высились почти сразу за забором. Я знала, что густой лес тянется на многие мили и что где-то неподалеку в этой чаще прячется узкая речка. Большинство людей и не подозревали о существовании этой речки, но мы со Стивеном нашли ее в те времена, когда я училась в колледже. В этой речке лежал небольшой камень, на котором были начертаны инициалы «СТ» и «ЭБ». Эти инициалы были вырезаны на этом камешке, упокоившемся в этой речушке посреди темного леса, когда Стивен сделал мне предложение. Я обнаружила, что бездумно бреду в лес – и вскоре я уже сидела у реки, глядя на свое отражение в воде.

«Один вздох».

Мелкая рыбка беззаботно плыла по течению, потом по воде прошла рябь, и послышался громкий всплеск. Я повернула голову влево, и щеки мои зарделись, когда я увидела Тристана, стоящего у речки – в одних спортивных шортах, без рубашки. Он склонился к воде и начал умываться, расчесывая пальцами свою нестриженую, неухоженную бороду. Мой взгляд скользнул по его загорелой груди, поросшей волосами, когда он стал плескаться на себя воду, смывая грязь и пот. Татуировки покрывали его левую руку и обвивались вокруг его торса. Я изучала эти отметины на его теле, не в силах отвести глаза. Их было больше, чем я могла сосчитать, однако мне хотелось всмотреться в каждую из них. Эти рисунки были мне знакомы – все они словно были переведены с иллюстраций из классических детских книжек. Аслан из «Хроник Нарнии». Монстр из книги «Там, где живут чудовища». Товарный вагончик – а это, конечно, «Дети из товарного вагона». Поперек груди тянулась надпись «Мы тут все сумасшедшие» – цитата из «Алисы в Стране чудес».

Я залюбовалась всем этим великолепием. Что может быть более потрясающим, чем мужчина, который не просто знает самые известные сказки всех времен, но и нашел способ превратить собственное тело в книжную полку?

Капли воды стекали с его мокрых волос на лоб и падали на грудь. Я буквально замерла на месте, гадая, знает ли он, насколько великолепно и при этом пугающе выглядит. Когда я рассматривала его, мои мысли почти дословно совпадали с давней рекламой сосательных леденцов Tootsie Roll Pop: «Мистер Филин, как долго я могу смотреть на этого человека, прежде чем это станет неприличным?» – «Не знаю, Лиз. Давай выясним. Раз... два... три...»

Тристан не видел меня, и я отступила от реки, чувствуя, как сильно колотится сердце в груди, и надеясь уйти незамеченной.

Зевс, привязанный к дереву, начал лаять, едва увидев меня.

«Черт!»

Тристан посмотрел в мою сторону, взгляд его был таким же мрачным, как и в прошлую нашу встречу. Он замер, вода стекала по его торсу до резинки шортов. Я смотрела на него слишком долго, потом осознала, что мои глаза устремлены на его пах, и сразу же перевела взгляд на его лицо. Он даже не пошевелился. Зевс продолжал лаять и махать хвостом, пытаясь отбежать от дерева, но поводок не пускал его.

– Следите за мной? – спросил Тристан. Эта короткая фраза не оставляла места для светских разговоров, она была прямой и жесткой.

– Что? Нет.

Он поднял брови. Я продолжала рассматривать его татуировки. О, «Зеленые яйца и ветчина» доктора Сьюза. Он заметил, что я глазею на него.

«Черт побери, Лиз. Прекрати».

– Извините, – пробормотала я, мое лицо покраснело от нервного напряжения. «Что он здесь делает?» Он выгнул вторую бровь. За все то время, пока он смотрел на меня, он ни разу не моргнул. Хотя он вполне мог бы что-нибудь сказать, однако, похоже, ему было куда забавнее вызывать у меня неловкость и беспокойство. На него было тяжело смотреть, он выглядел сломленным человеком, но этот внутренний надлом каким-то образом притягивал меня.

Пока я рассматривала его, он отвязал Зевса от дерева и направился в ту сторону, откуда я пришла. Я направилась следом за ним, к своему дому.

Тристан остановился и медленно повернулся ко мне.

– Прекратите преследовать меня, – прошипел он.

– Я и не преследую.

– Преследуете.

– Нет.

– Да.

– Нет, нет, нет!

Он снова поднял бровь.

– Вы как пятилетнее дитя.

Он отвернулся и пошел дальше. И я тоже. Время от времени он оглядывался через плечо и сердито хмыкал, но мы больше не сказали друг другу ни слова. Когда мы вышли на опушку леса, Тристан с Зевсом направились к заросшему двору рядом с моим домом.

– Полагаю, мы с вами соседи, – с усмешкой произнесла я.

Он бросил на меня злобный взгляд, от которого мой желудок сжался. Мне стало не по себе, но когда Тристан посмотрел мне в глаза, я ощутила знакомое покалывание внутри.

Мы разошлись по домам, даже не попрощавшись.

* * *

Я поужинала в одиночестве, сидя в столовой. Посмотрев в окно, выходящее на соседний дом, я увидела, что Тристан тоже сидит и ужинает у себя в столовой. Дом его выглядел ужасно темным и пустым. Одиноким. Когда Тристан тоже взглянул в сторону окна и заметил меня, я выпрямилась, слегка улыбнулась и помахала ему рукой. Он встал со стула, подошел к окну и закрыл жалюзи.

Мне не понадобилось много времени, чтобы осознать, что окна наших спален тоже смотрят прямо друг на друга – и он поспешил задернуть шторы и там.

Я позвонила свекрам, чтобы узнать, как там Эмма. Судя по голосу, она отлично проводила время у бабушки с дедушкой в окружении всяких лакомств. В восемь часов вечера я сидела на диване в гостиной, глядя в пространство и пытаясь не заплакать, когда мне написала Файя.

Файя: Ты в порядке?

Я: В порядке.

Файя: Тебе составить компанию?

Я: Не сегодня. Устала.

Файя: Тебе составить компанию?

Я: Сплю...

Файя: Тебе составить компанию?

Я: Завтра.

Файя: С любовью, сиська.

Я: Взаимно, титька.

Стук в дверь, раздавшийся вскоре после этого обмена сообщениями, не стал для меня сюрпризом. Я понимала, что Файю мои слова не удержат, потому что она знала: если я говорю, что со мной все в порядке, обычно это значит, что все совсем не в порядке. Однако сюрпризом для меня стало то, что, открыв дверь, я увидела целую компанию. Компанию друзей. Вожаком этой стаи была Файя, державшая в руках самую большую бутылку текилы, какую видел мир.

– Тебе составить компанию? – ухмыльнулась она.

Я посмотрела на свою пижаму, потом перевела взгляд на бутылку.

– Конечно.

* * *

– Я, честно говоря, думал, что ты захлопнешь перед нами дверь, – раздался у меня за спиной знакомый голос, когда я стояла в кухне, разливая текилу в четыре рюмки. Я обернулась и увидела Таннера – он смотрел на меня, подкидывая монетку, которая, похоже, у него всегда была при себе. Я бросилась ему на шею и крепко обняла его. – Привет, Лиз, – прошептал он, так же крепко обнимая меня в ответ.

Таннер был лучшим другом Стивена, и долгое время между ними существовало что-то вроде братско-романтических отношений, заставлявших меня думать, будто мой муж может бросить меня ради мужчины. У Таннера было спортивное сложение, невероятно темные глаза и светлые волосы. Он работал в автомастерской, которую унаследовал от отца – тот оставил работу по болезни. Они со Стивеном сдружились, когда в первый год учебы в колледже жили в одной комнате. Хотя после первого курса Таннер оставил учебу, чтобы работать в отцовской мастерской, дружба между ним и Стивеном сохранилась.

Таннер дружески улыбнулся и отпустил меня, потом взял две рюмки с текилой, протянул одну из них мне, и мы вместе осушили их. Потом взяли две других – и тоже выпили. Я улыбнулась.

– Ты знаешь, все четыре были для меня.

– Знаю. Просто хотел немного побережь твою печень.

Я смотрела, как он лезет в карман и достает монету в двадцать пять центов – ту самую, которую постоянно и безостановочно вертел в пальцах. Этот его странный обычай я помнила еще с нашей первой встречи.

– Я вижу, ты все еще таскаешь с собой эту монету, – засмеялась я.

– Я никогда не выхожу из дома без нее, – со смешком ответил он и опустил монету обратно в карман.

Я изучала его лицо, и душу мою наполняла тревога. Возможно, он и сам не знал об этом, но иногда взгляд у него был невероятно печальным.

– Как у тебя дела?

Он пожал плечами.

– Я просто рад снова тебя увидеть. Мы ведь давно не виделись, подруга. И к тому же ты так быстро исчезла после... – Голос его прервался. Все резко умолкали перед тем, как упомянуть о смерти Стивена. Мне казалось, что это проявление милосердия.

– Я вернулась. – Кивнув, я снова наполнила все четыре рюмки. – Мы с Эммой намерены остаться здесь. Нам просто нужно было немного выдохнуть, вот и все.

– Ты все еще водишь эту раздолбанную машину? – спросил он.

– Несомненно. – Я прикусила губу. – Позавчера я сбила собаку.

Он приоткрыл рот.

– Не может быть!

– Может. Пес остался жив. Но вышло так, что эта ржавая жестянка вместо того, чтобы затормозить, просто дернулась и наехала на него.

– Я могу проверить ее, – предложил Таннер. Я пожала плечами.

– Ничего страшного. Теперь, когда я в городе, я вполне могу ходить везде пешком. Тут все близко.

– Но когда наступит зима, ходить пешком будет неприятно.

– Не волнуйся, Таннер Майкл Кейз, все будет хорошо.

Улыбка тронула его губы.

– Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты называешь меня полным именем.

Я засмеялась.

– Именно поэтому я так и делаю.

– Что ж, надо произнести тост, – предложил Таннер. Файя ворвалась на кухню и высоко подняла одну из рюмок.

– Когда в деле участвует текила, тосты – это по моей части, – хихикнула она. – Впрочем, сойдет и водка, виски, ром, самогон...

Я засмеялась, и мы втроем подняли рюмки. Таннер откашлялся:

– За старых друзей и новые начинания. Мы скучали по вам с Эммой, Лиз, и мы чертовски рады, что вы вернулись. Пусть следующие несколько месяцев будут для вас легкими, и ты всегда должна помнить – ты не одна.

Одним быстрым глотком мы осушили наши рюмки.

– Кстати, о новых начинаниях – я хотела бы сменить замки во всем доме. Вы знаете кого-нибудь, кто может этим заняться?

– Конечно. Сэм может.

– Сэм?

– Ну, ты помнишь того парня, которого я хотела уволить, чтобы взять тебя на работу? Тот неуклюжий тип из кафе. У его отца есть мастерская, в которой Сэм подрабатывает как раз по этой части.

– Серьезно? Ты думаешь, он станет мне помогать?

– Конечно. Я скажу, что он должен это сделать, иначе я его действительно уволю. – Файя подмигнула. – Все считают его странным, но он знает свое дело и работает быстро.

– С каких это пор тебе нравятся парни, которые делают свое дело быстро? – пошутила я.

– Иногда девушке просто необходимо быстро переспать с кем-то, выпить пива и посмотреть реалити-шоу по телику. Не следует недооценивать преимущества быстроты. – Файя налила себе еще одну рюмку и удалилась прочь танцующей походкой.

– Твоя подруга, наверное, первая из моих знакомых женщин, которая действительно мыслит как мужчина, – пошутил Таннер.

– А ты в курсе, что они с Мэтти...

– Спят? Конечно. После твоего отъезда ей понадобилась подружка, которой можно поплакаться в жилетку, и она почему-то решила, что я похож на такую подружку. Она каждый день приходила ко мне в автомастерскую с историями о Фэтти-Мэтти – отчего, честно говоря, мне было ужасно неловко.

Я хихикнула.

– Ты хочешь сказать, что тебя не интересуют прозвища, которые она придумывает для своих сексуальных отношений?

Он подался вперед.

– Капризуля Фрэнки – это правда?

– Файя никогда не лжет.

– Что ж, бедняге Фрэнки не повезло.

Я улыбнулась – то ли под воздействием алкоголя, то ли потому, что Таннер заставил меня вспомнить о самых лучших моментах прошлого. Подпрыгнув, он уселся на кухонную стойку и похлопал ладонью рядом с собой, приглашая меня присоединиться. Я последовала его примеру.

– Ну как малышка Эмма?

– Самоуверенная, как обычно. – Я вздохнула, подумав о дочери.

– Так же, как ее мать. – Таннер засмеялся, и я легонько ткнула его в плечо.

– Я все-таки думаю, что по большей части она унаследовала самоуверенность от своего отца.

– И это правда, он был очень нахальным. Помнишь, как мы ходили погулять на Хэллоуин, и Стивен считал, что может справиться с любым, потому что он был одет как ниндзя? Он задирился с каждым встречным и поперечным, но настоящий ниндзя из него не получился, ему просто подбили глаз и выкинули его из трех баров подряд.

Мы оба засмеялись, вспоминая, как сильно мой муж напился в тот вечер.

– Если я правильно помню, ты не самым лучшим образом влиял на него. Ты всегда слишком много пил и начинал задиричься с людьми, а в итоге побитым оказывался мой муж.

– Это правда. Когда я выпиваю, я становлюсь ужасно невежливым – но Стивен это понимал. Черт... как же мне не хватает этого уroda! – Он вздохнул. Мы перестали смеяться, на глаза мне навернулись слезы. Его глаза тоже увлажнились, и мы сидели молча, вместе тоскуя по Стивену.

– Ну ладно, – произнес наконец Таннер, меняя тему разговора. – Участок вокруг дома выглядит кошмарно. Если хочешь, я могу как-нибудь заскочить и подстричь траву, можно еще ограду поставить, чтобы тут не был такой проходной двор.

– Да нет, я, на самом деле, думала обо всем этом позаботиться сама. Я работаю неполный день, так что у меня будет какое-то занятие, пока я не найду более стабильную работу.

– Ты не думала вернуться в дизайн интерьеров?

«Вопрос недели». Я пожала плечами.

– На самом деле в прошедший год я почти ни о чем не думала.

– Полностью тебя понимаю. Ты уверена, что тебе не нужно помочь с домом и двором? Мне не так уж сложно оказать тебе помощь.

– Да, уверена. Наступает такой момент, когда нужно уже начинать самой все делать для себя, понимаешь?

– Я тебя услышал. Но я думаю, тебе следует заскочить ко мне в мастерскую в воскресенье. У меня для тебя кое-что есть.

Я улыбнулась.

– Подарок?

– Что-то вроде того.

Я похлопала его по плечу и сказала, что мы можем встретиться вечером в четверг, если можно будет взять с собой Эмму.

Он кивнул, потом спросил, понизив голос и пристально глядя на меня:

– И что для тебя тяжелее всего?

Ответ на этот вопрос был прост.

– Бывает, что Эмма делает что-то забавное, и я хочу позвать Стивена из другой комнаты, чтобы он тоже посмотрел. Но потом я вспоминаю и останавливаюсь. Самое тяжелое в том, чтобы потерять кого-то, кого ты любишь, – то, что при этом ты теряешь себя. – Я поднесла большой палец ко рту и покусала ноготь. – Хватит депрессивных разговоров. А как дела у тебя? Ты все еще встречаешься с Пэтти?

Он поежился.

– По правде сказать, мы с ней больше не разговариваем.

Я не была удивлена. От Таннера было так же сложно ожидать верности, как от Файи.

– Что ж, значит, мы просто две одинокие печальные горошины в стручке.

Он засмеялся, взял бутылку с текилой и снова наполнил рюмки.

– За нас, бедных горошин.

Остаток вечера я помню смутно. Кажется, я смеялась над чем-то совершенно не смешным, плакала над чем-то совершенно не печальным... но это был лучший мой вечер за последнее время. Когда на следующее утро я проснулась, я лежала в своей кровати, не совсем понимая, как я туда попала. Я не спала в этой постели с того несчастного случая. Протянув руку за подушкой Стивена, я прижала ее к груди, глубоко вдохнула запах хлопковой наволочки и закрыла глаза. Хотя я этого пока не чувствовала, однако невозможно было отрицать тот факт, что я была дома. Что это была моя новая нормальная жизнь.

Глава 6. Элизабет

На той же неделе к нам заехал Сэм – поменять в доме замки. Я знала, что Файя называет его жутким типом, но на самом деле он был дружелюбен, с ним чувствовалась легкость в общении. У него были светлые волосы, зачесанные торчком, и прямоугольные очки, отчасти скрывавшие мягкий взгляд его карих глаз. Разговаривал он со мной всегда негромко и очень вежливо. Если ему казалось, что он чем-то задел меня – хотя такого никогда не бывало, – он сразу же сдавал назад и извинялся, путаясь в словах.

– Некоторые из этих замков – просто ржавый хлам, но другие в очень хорошем состоянии, Элизабет. Вы уверены, что хотите сменить их все? – спросил он. – Извините, это был глупый вопрос. Вы не стали бы просить меня, если бы вам не нужно было поменять их. Простите, пожалуйста, – добавил он.

– Нет, все в порядке, – я улынулась. – Я просто хочу начать совсем все заново, вот и все. Он поправил очки и кивнул.

– Конечно. Ну, я смогу сделать это за несколько часов, как-то так.

– Отлично.

– Ах да! Еще я хотел бы вам показать кое-то. – Он сбегал к своей машине и вернулся с каким-то крошечным предметом в руке. – Мой отец только что получил партию новых охранных камер – если вас это интересует. Камеры – вот такие маленькие, их легко спрятать от посторонних глаз. Их можно поставить по всему дому или участку для пущей безопасности. Если бы я был красивой женщиной, живущей с маленькой дочерью, я захотел бы принять дополнительные меры.

Я улынулась – на этот раз обеспокоенно.

– Думаю, я на некоторое время воздержусь от этого. Но еще раз спасибо, Сэм.

– Нет проблем. – Он засмеялся. – Пока что единственный, кто их купил, – это Таннер, так что я сомневаюсь, что продажи будут такими большими, как надеялся отец.

Он работал быстро и качественно. Не успела я оглянуться, как во всех дверях стояли новые фирменные замки.

– Я еще чем-нибудь могу вам помочь? – спросил он.

– Нет, это все. На самом деле мне пора идти, через десять минут мне нужно быть в кафе, а моя машина не совсем в порядке, так что мне придется идти пешком.

– Не надо, я вас подвезу.

– Нет-нет, я и пешком дойду.

– Там уже начинается дождь, вам совсем ни к чему под него попадать. Мне это действительно несложно.

Я задумчиво нахмурилась:

– Ты уверен?

– Конечно. – Он распахнул пассажирскую дверь своего пикапа. – Нет проблем.

Когда мы въехали в город, Сэм спросил меня, почему Файя его не любит, и я, как могла, попыталась объяснить, что Файя никого не любит – по крайней мере, сначала.

– Дай ей немного времени, и она будет о тебе лучшего мнения.

– Она сказала, что у меня есть все признаки психопата, – пошутил он.

– Да, такая вот она резкая-дерзкая.

– И она ваша лучшая подруга.

Я усмехнулась.

– Лучшая подруга, какая у меня когда-либо была.

В течение всего остального пути по городу Сэм указывал мне на всех, мимо кого мы проезжали, и рассказывал то, что ему было известно об этих людях. Он сказал, что поскольку

большинство людей считают его странным, они не обращают на него внимания, но тем легче ему подслушивать сплетни, ходящие по городу.

– Вот это Люси, – сказал Сэм, указывая на девушку, болтающую по мобильнику. – Она самая грамотная в нашем городе, даже в течение последних пяти лет выигрывает все ежегодные конкурсы-диктанты. А вон там Моника. Ее папаша лечится от алкоголизма, но, между нами говоря, я знаю, что он по вечерам в пятницу напивается у Бонни Дин. А вон там идет Джейсон, он несколько месяцев назад отпинал меня, потому что ему почудилось, будто я его обозвал, хотя я его не обзывал. Но потом он извинился и сказал, что на тот момент просто был под препаратами.

– Ничего себе, ты действительно все обо всех знаешь!

Он кивнул.

– Неплохо бы, чтобы вы как-нибудь поехали со мной на городские гуляния или что-то в этом роде. Тогда я мог бы показать вам, какие безумства здесь творятся.

Я улыбнулась.

– Это было бы потрясающе. – Мы уже были недалеко от кафе, когда я бросила взгляд на другую сторону улицы, и внутри у меня все сжалось. – Что насчет него? – спросила я, указывая на Тристана, бегущего по тротуару; уши его были закрыты огромными наушниками. Добежав до магазина мистера Хенсона, он снял наушники и зашел внутрь. – Что ты можешь рассказать о нем?

– Вы имеете в виду Тристана? Он – скотина. И немного чокнутый.

– Чокнутый?

– Ну он работает на мистера Хенсона. Нужно малость свихнуться, чтобы иметь с ним дело. Мистер Хенсон у себя в дальней комнате занимается вуду и всем таким прочим. Жутко это. Хорошо, что Таннер пытается закрыть его лавочку.

– Что?

– А вы не слышали? Таннер хочет расширить свою мастерскую, и единственное, что ему мешает, – это магазинчик мистера Хенсона. Таннер пытался выжить мистера Хенсона из этого здания, сказав, что магазин напрасно занимает место, ведь туда никто не ходит.

Я не удержалась и задумалась о том, что же действительно стоит за всей этой историей с магазином мистера Хенсона – и о том, почему Тристан пошел туда работать.

* * *

Во время своей смены я время от времени посматривала на ту сторону улицы – на магазин мистера Хенсона, где Тристан, должно быть, переставлял товары. Магазин был набит разного рода магическими штучками – хрустальные шары, колоды карт Таро, волшебные палочки...

– У тебя есть вибратор?

Услышав эти слова из уст своей лучшей подруги, я резко вынырнула из задумчивости и едва не уронила три тарелки с бургерами и картофелем фри, которые пыталась удержать в руках одновременно.

– Файя! – шепотом воскликнула я, мои щеки мгновенно зарделись.

Она окинула взглядом кафе, удивленная моей реакцией на ее не вполне приличный вопрос.

– Что такое? Можно подумать, я спросила, есть ли у тебя герпес. В наши дни вибраторы – совершенно нормальная вещь, Лиз, и я просто думала, что твоему несчастному, сухому, одинокому влагалищу требуется помощь.

Мое лицо пылало.

– Как это заботливо с твоей стороны, – засмеялась я, ставя тарелки перед тремя пожилыми дамами, которые смотрели на меня с неприкрытым отвращением. – Я могу еще что-нибудь сделать для вас? – спросила я.

– Вы можете предложить вашей подруге установить фильтр на рот.

– Поверьте, я пыталась. – Я улыбнулась и подошла к Файе, умоляя ее понижать голос, когда речь идет о влагалище и тому подобных вещах.

– Послушай, Лиз, я всего лишь хочу сказать, что у тебя долгое время не было ничего такого. И как ты сейчас чувствуешь себя – там, внизу? Джордж из джунглей встречает старых теток из «Золотых девочек»? Там уже больше волос, чем вот тут? – спросила она, поглаживая меня по голове.

– Я не буду отвечать на этот вопрос.

Она сунула руку в карман своего фартука и достала маленький черный блокнот, который в былые времена всегда доставлял сплошные проблемы.

– Что ты делаешь? – настороженно спросила я.

– Ищу член, который может тебе помочь сегодня.

– Файя, мне кажется, я еще не готова к такого рода эмоциональным связям с кем-либо.

– Какое отношение секс имеет к эмоциям? – на полном серьезе изумилась она. Я даже не знала, как ответить на этот вопрос. – В общем, я знаю чувака, который поможет тебе очистить твой сад от сорняков. Его зовут Эдвард. Когда речь идет о подобных вещах, он просто творческий гений. Однажды на Валентинов день он нарисовал мне сердечки там, внизу.

– От тебя сплошное беспокойство.

Она улыбнулась.

– Знаю. Но я могу назначить за тебя встречу с этим Эдвардом Руки-Ножницы, а потом ты можешь выбрать в моем блокноте милого парня, чтобы без проблем провести с ним одну ночь.

– Я не хочу никаких отношений на одну ночь.

– Хорошо, можешь просто лежать и никак к нему не относиться. – Она ухмыльнулась. – Но серьезно, Лиз, ты думала о том, чтобы начать с кем-нибудь встречаться? Просто погулять с одним парнем, с другим. Необязательно что-то серьезное, просто я думаю, чтобы тебе это было бы полезно. Я не хочу, чтобы ты застревала в пустоте.

– Я не застреваю в пустоте, – слегка оскорбленно возразила я. – Просто... у меня есть дочь. И прошел всего лишь год после смерти Стивена.

«Ничего себе!»

Я в некотором роде впечатлилась тем, как легко эти слова сорвались с моего языка, не вызвав вспышку эмоций.

– Я не хотела быть грубой. Ты же знаешь, что я тебя люблю, и знаешь, как много значил для меня Стивен...

– Знаю.

– Может, я и могу считаться женщиной легкого поведения, но даже сердца женщин легкого поведения иногда разбиваются, и когда мне бывает трудно отойти от каких-то эмоций, секс мне всегда помогает.

Я засмеялась.

– Мне просто кажется, что я пока к этому не готова, но я это запомню.

– Понимаю, милая. Но если ты когда-нибудь поймешь, что тебе нужна помощь моего блокнотика, просто дай мне знать.

Я улыбнулась.

– Твой блокнот сейчас выглядит ужасно маленьким, мне казалось, что раньше он был больше.

Она снова запустила руку в карман фартука и вытащила еще два блокнота.

– Не говори глупостей. Я просто пыталась соблюдать приличия и показывать их по одному.

* * *

Во время перерыва в работе любопытство взяло надо мной верх, и я, почти против собственной воли, зашла в магазинчик мистера Хенсона. Буквально за несколько секунд пребывания здесь можно определить, что мистер Хенсон торгует в основном разнообразными магическими вещами. Половина помещения была отведена под кофейню, а вторая половина обустроена как чулан, набитый штучками, которые я видела во множестве фильмов о сверхъестественных явлениях и о магии.

Когда я вошла, над дверью звякнул колокольчик, и мистер Хенсон с Тристаном в замешательстве переглянулись. Когда они посмотрели в мою сторону, я изо всех сил постаралась вести себя нормально и просто рассматривать магазин, несмотря на то что я всей кожей чувствовала их взгляды, устремленные на меня.

Задержавшись на несколько секунд, я потянулась к верхней полке одного из шкафов за какой-то книгой. Сборник заклинаний? Ну ладно. Переплет был прошит суровой ниткой и покрыт пылью. Я взяла другую книгу. Обе выглядели древними, как помет динозавра, но была в них некая прелесть. Папа всегда любил отыскивать в антикварных магазинах подобные старинные драгоценности. В его кабинете собралась большая коллекция старых книг на разных языках, в этих книгах зачастую говорилось о том, о чем он не имел никакого представления... но ему просто нравился внешний вид и ощущения от прикосновения к старинным переплетам.

– Сколько стоят эти две книги? – спросила я у мистера Хенсона. Он ничего не сказал. Я приподняла брови. – Извините. Вы закрыты? – Встретившись взглядом с Тристаном, я прижала книги к груди, чувствуя, как краснеют мои щеки. – Здравствуйте.

Тут заговорил мистер Хенсон – вероятно, это было к лучшему:

– О нет-нет, мы открыты. Просто у нас нечасто бывают посетители. И особенно такие приятные посетительницы, как вы. – Сказав это, мистер Хенсон присел на край стойки. – Как вас зовут, красавица?

Его слова заставили меня отвести взгляд от Тристана, и я откашлялась, втайне радуясь тому, что могу на что-то отвлечься.

– Элизабет. А вас?

– Я мистер Хенсон. И если бы я не был в четыре раза старше вас и во столько же раз грузнее, я подумал бы о том, чтобы пригласить вас на танцы в старом амбаре.

– На танцы? А почему вы считаете, что такая женщина, как я, может интересоваться танцами?

Мистер Хенсон не ответил, но лицо его по-прежнему выражало довольство. Я подошла и присела рядом с ним.

– Это ваш магазин?

– Мой. Каждый квадратный фут, каждый квадратный дюйм. Если только вы не хотите его себе. – Мистер Хенсон засмеялся. – Потому что если вы его хотите, то он ваш. Каждый квадратный фут, каждый квадратный дюйм.

– Это очень соблазнительно. Но должна сказать, что прочла каждую из опубликованных книг Стивена Кинга по пять раз, и мысль, выраженная в романе «Нужные вещи», меня несколько тревожит.

– Между нами говоря, я подумывал назвать свой магазинчик «Услышанные молитвы»³, но я не особо религиозен.

³ Намек на роман Трумена Капоте «Услышанные молитвы» (*Answered Prayers*), опубликованный после смерти писателя.

Я фыркнула, Тристан тоже.

Я оглянулась на него, радуясь тому, что мы смеемся над одной и той же шуткой – и он сразу же умолк. Я снова перевела взгляд на книги.

– Так я могу купить их у вас?

– Они ваши, и совершенно бесплатно.

– Нет-нет, я хочу заплатить.

Мы долго спорили об этом, он настаивал на том, чтобы я взяла книги даром, но я не уступала, и в конце концов мистер Хенсон сдался.

– Вот почему я предпочитаю иметь дело с мужчинами. Женщины слишком похожи на меня. Заходите как-нибудь, я бесплатно погадаю вам на картах Таро.

Я улыбнулась.

– Звучит интересно.

Он встал и направился к двери, ведущей в подсобку.

– Тристан, рассчитайся с ней, хорошо? – Повернувшись ко мне, он слегка кивнул, а потом скрылся за дверью. Тристан пошел к кассе, я последовала за ним.

Я медленно положила книги на стойку. Мой взгляд упал на коричнево-черные фотографии леса, висящие в рамках на стене позади меня.

– Красиво, – сказала я, глядя на снимки. Тристан ввел в кассовый аппарат неведомо откуда взятую цену за книги.

– Спасибо.

– Это вы снимали?

– Нет, – ответил он, бросая взгляд на картинки. – Я вырезал их из дерева и затонировал черными чернилами.

Приоткрыв рот от изумления, я присмотрелась внимательнее. Чем пристальнее я смотрела, тем яснее мне становилось, что «фотографии» на самом деле были резьбой по дереву.

– Как красиво... – повторила я. Когда я снова встретилась с ним взглядом, мой желудок сжался в комок от нервной дрожи. – Кстати, еще раз здравствуйте, – со вздохом произнесла я. – Как поживаете?

Он выбил чек, игнорируя мой вопрос.

– Вы собираетесь за них платить или как?

Я нахмурилась, но ему, похоже, было наплевать.

– Извините. Да. Вот, держите, – сказала я, протягивая ему деньги. Потом я поблагодарила его и, прежде чем выйти из магазина, снова оглянулась на него. – Вы все время ведете себя по-свински, и в городе вас все считают грубияном, но я видела вас в приемном покое, когда вы узнали, что с Зевсом все будет хорошо. Я видела, как это потрясло вас. Я знаю, что вы не монстр, Тристан. Я просто не понимаю, почему вы притворяетесь монстром.

– Это ваша самая большая ошибка.

– Какая? – спросила я.

– Делать вид, будто вы хоть что-то обо мне знаете.

Глава 7. Тристан

2 апреля 2014 года

Пять дней до прощания

Когда такси высадило нас с отцом возле больницы, я бегом бежал всю дорогу до реанимации. Мой взгляд метался из стороны в сторону, выискивая хоть что-нибудь, хоть кого-нибудь знакомого.

– Мама! – воскликнул я, и она обернулась ко мне. Я снял бейсболку и бросился к ней.

– Ох, милый... – всхлинула она, обнимая меня.

– Как они? Как?..

Мама заплакала еще сильнее, ее тело содрогалось от рыданий.

– Джейми... Джейми больше нет, Тристан. Она держалась так долго, но не смогла... не дождалась.

Я отстранился и сжал двумя пальцами переносицу.

– В каком смысле – больше нет? Она есть. С ней все хорошо. – Я обернулся на отца, в глазах которого читалось потрясение. Замешательство. Боль. – Папа, скажи ей. Скажи, что с Джейми все хорошо.

Он склонил голову. Меня словно обожгло огнем изнутри.

– А Чарли? – спросил я, почти уверенный, что не хочу знать ответ.

– Он в палате интенсивной терапии. Ему плохо, но он...

– Здесь. Он здесь. – Я запустил пальцы в собственные волосы. «С ним все в порядке». – Могу я увидеть его? – спросил я. Мама кивнула.

Я метнулся к сестринскому посту, и меня отвели в палату Чарли. Я зажал себе рот ладонью. Мой сыннок лежал, подключенный к огромному количеству медицинских аппаратов – я даже не знал, что их бывает столько. В горло его была вставлена трубка, руки утыканы катетерами, все лицо в синяках и ссадинах...

– Господи... – пробормотал я.

Медсестра осторожно улыбнулась мне.

– Вы можете взять его за руку.

– Зачем эта трубка? З-з-зачем у него трубка в горле? – выдавил я, пытаясь думать только о Чарли. Но истина, относящаяся к Джейми, постепенно вползала в мое сознание.

«Джейми больше нет», – сказала мама. Ее больше нет. Но как такое может быть? Как ее может не быть?

– Во время аварии его левое легкое было повреждено, ему трудно самому вдыхать воздух. Эта трубка помогает ему дышать.

– Он не может дышать сам?

Медсестра покачала головой.

– С ним все будет в порядке? – спросил я, глядя ей в глаза и видя в них виноватое выражение.

– Я не его врач. Только они могут...

– Но вы же можете сказать мне, верно? Будь вы на моем месте, только что потеряв жену... – Эти слова словно вскрыли во мне вулкан эмоций, и мне пришлось умолкнуть, чтобы подавить их. – Если бы этот мальчик был всем, что у вас осталось, а вы были всем, что осталось у него, вы ведь тоже захотели бы узнать, есть ли хоть капля надежды, так? Вы умоляли бы кого-нибудь сказать вам, что нужно делать. Как нужно действовать. Что бы вы сделали?

– Сэр...

– Пожалуйста, – взмолился я. – Прошу вас.

Она опустила глаза в пол, потом вскинула их на меня.

– Я держала бы его за руку.

Я кивнул, понимая, что сейчас она сказала мне куда больше правды, чем я готов был услышать. Я сел на стул рядом с кроватью Чарли и взял сына за руку.

– Эй, дружок, это папа. Я здесь, понимаешь? Я знаю, что меня не было рядом, когда я был нужен, но сейчас я здесь, слышишь? Папа здесь, и я хочу, чтобы ты боролся ради меня. Ты можешь это сделать, верно? – Слезы закапали из моих глаз на его лицо, когда я коснулся губами его лба. – Папе нужно, чтобы ты снова научился дышать сам. Тебе станет лучше, потому что ты мне нужен. Я знаю, люди говорят, будто это родители нужны детям, но это неправда. Ты нужен мне, чтобы я мог жить дальше. Ты нужен мне, чтобы я мог верить миру. Дружок, мне нужно, чтобы ты очнулся. Я не могу потерять и тебя тоже, понимаешь? Я хочу, чтобы ты вернулся ко мне. Пожалуйста, Чарли... вернись к папе.

Его грудь приподнялась, когда он попытался вдохнуть, и аппараты начали издавать частый писк. В палату вбежали врачи и отняли у меня руку Чарли. Его тело била судорожная дрожь. Врачи стали кричать друг на друга, произносить непонятные слова, совершать непонятные действия.

– Что происходит?! – крикнул я, но меня никто не услышал. – Что случилось? Чарли! – кричал я, когда две медсестры пытались увести меня из палаты. – Что они делают? Что... Чарли! – кричал я все громче и громче, пока меня выталкивали прочь, в комнату ожидания. – ЧАРЛИ!

** * **

Поздно вечером в пятницу я сидел за столом в столовой и набирал номер, который когда-то знал наизусть – но которым почти не пользовался в последнее время. Я поднес телефон к уху, услышал гудок, потом мягкий, негромкий голос произнес:

– Алло? Тристан, это ты? – Беспокойство, звучащее в ее голосе, заставило мой желудок сжаться. – Сынок, пожалуйста, скажи что-нибудь... – прошептала она.

Я прижал кулак к губам и ничего не сказал. Потом повесил трубку. Я всегда делал так.

Остаток вечера я просидел один в темноте, позволив этой темноте поглотить меня целиком.

Глава 8. Элизабет

Утром в субботу я была уверена, что вот-вот разбужу всю округу, пытаюсь запустить газонокосилку, которая каждые несколько секунд стреляла мотором. Когда Стивен работал на лужайке, это всегда выглядело невероятно просто, однако мне не везло.

– Ну же! – я еще раз дернула за цепочку, пробуя завести мотор, он несколько раз фыркнул и заглох. – Черт тебя побери! – Я пробовала снова и снова, и щеки мои горели, потому что соседи, живущие напротив, уже начали пялиться на меня из своих окон.

Я уже собиралась в очередной раз дернуть за цепь, но тут поверх моей руки легла чья-то ладонь, и я подскочила от неожиданности.

– Хватит, – мрачно сказал Тристан, хмуря брови и раздраженно взирая на меня. – Какого черта вы тут шумите?

Я нахмурилась в ответ, глядя на его поджатые губы.

– Стригу лужайку.

– Вы не стрижете лужайку.

– Нет, стригу.

– Нет, не стрижете.

– Тогда что же я делаю? – спросила я.

– Будите весь этот долбаный мир, – проворчал он.

– Я уверена, что в Англии и так уже никто не спит.

– Хватит болтать попусту, а?

«Хм-м». Непохоже было, что его распорядок дня привязан к какому-то определенному времени суток, так что вряд ли я разбудила конкретно его. Он отобрал у меня газонокосилку, и я осведомилась:

– Что вы делаете?

– Стригу вашу траву, чтобы вы прекратили будить весь этот чертов мир, за исключением Англии.

Я не знала, смеяться мне или сердиться.

– Вы не должны стричь мою лужайку. И к тому же косилка, кажется, сломана.

Он дернул за шнур, и пару секунд спустя газонокосилка завелась.

«Вот позор на мою голову!»

– Серьезно, вам не следует стричь мою лужайку.

Он даже не оглянулся на меня. Он просто приступил к работе – работе, которую я ни за что бы не попросила его сделать. Я уже собиралась продолжить спор, но потом вспомнила, что он, по слухам, убил кота за то, что тот не вовремя замыкал. Как бы печальна и незначительна ни была моя жизнь, я все-таки ее ценила и не хотела рисковать тем, что лишусь своей жизни, какой бы она ни была.

* * *

– Вы отлично постригли лужайку, – сказала я, глядя, как Тристан выключает газонокосилку. – Мой муж... – Я умолкла и сделала вдох. – Мой покойный муж обычно стриг траву наискосок. Он сказал бы: «Милая, скошенную траву я уберу завтра. Сейчас я слишком устал». – Я беззвучно усмехнулась, глядя на Тристана, но на самом деле видя вовсе не его. – Это сено лежало бы здесь неделю, а может, и две, и это было странно, потому что за участками других людей он ухаживал куда тщательнее. И все же мне нравился запах скошенной травы. – В горле у меня встал ком, на глаза навернулись слезы. Я повернулась к Тристану спиной и стерла

несколько слезинок, выкатившихся из глаз. – Ладно, в общем, мне нравится, как вы выкашивали косые полосы.

«Дурацкие воспоминания».

Я ухватилась за белую металлическую ручку и открыла раздвижную дверь, однако замерла на месте, услышав его тихий голос.

– Вот так они подкрадываются и отбрасывают тебя в прошлое, – прошептал он, словно одинокий дух, дарящий прощальный поцелуй тем, кого любил. Голос его сейчас звучал ровнее, чем прежде, он все еще оставался глубоким и слегка хриловатым, но сейчас в нем слышались едва различимые теплые нотки. – Эти мелкие воспоминания...

Я повернулась к нему. Он стоял, прислонившись к газонокосилке, и его взгляд был более живым, чем когда-либо раньше. Но это была скорбная жизнь. Это были полные тоски глаза сломленного человека. Я сделала вдох, чтобы удержаться на ногах.

– Иногда мне кажется, что мелкие воспоминания хуже больших. Я могу справиться с воспоминаниями о его дне рождения или о его смерти, но когда я вспоминаю, как он косил траву или читал в газете только комиксы, или выкуривал сигарету в канун Нового года...

– Или как она зашнуровывала свои теннисные туфли или прыгала по лужам, или касалась моей ладони указательным пальцем и всегда рисовала сердечко...

– Вы тоже кого-то потеряли?

– Жену.

«Ох!»

– И сына, – прошептал он тише, чем прежде.

Мое сердце дрогнуло от боли за него.

– Простите, я даже подумать не могла... – Мой голос прервался, когда Тристан уставился на только что скошенную лужайку. Мысль о том, что я могла потерять не только любовь всей жизни, но и дочь, была слишком тяжелой. Наверное, я бы этого не вынесла.

– То, как он читал молитвы и выписывал букву R задом наперед, и как ломал игрушечные машинки, чтобы потом их починить... – Голос Тристана дрожал, как его плечи. Он разговаривал уже не со мной. Мы оба жили в своих собственных мирах из мелких воспоминаний, и, хотя мы были отделены друг от друга, мы каким-то образом могли ощутить чувства друг друга. Одинокий всегда узнает одинокого. И сегодня я впервые начала видеть за этой густой бородой живого человека.

Я смотрела, как его глаза наполняются эмоциями. Надев наушники, он принялся сгребать скошенную траву, не сказав мне больше ни слова.

Жители города считали его скотиной, и я понимала, почему именно. Он был невежлив, он был груб, он мог нахамить по поводу и без повода, но я не могла винить его за эту холодность. Истина заключалась в том, что я отчасти завидовала способности Тристана сбежать от реальности, закрыться от окружающего мира. Должно быть, было бы неплохо время от времени ощутить такую пустоту вокруг и внутри, – видит бог, я каждый день думала о том, как бы потерять рассудок, но у меня была Эмма, и мне нужно было сохранять здравый ум.

Если бы я потеряла и ее тоже, я, наверное, постаралась бы очистить свою душу от всех эмоций, от всей боли.

Закончив свою работу, Тристан остановился, тяжело дыша. Потом повернулся ко мне; глаза его были красными, и на душе у него наверняка царил смятение. Он вытер лоб тыльной стороной кисти и откашлялся.

– Готово.

– Не хотите позавтракать? – спросила я. – Я приготовила столько, что хватит и вам.

Он моргнул и подкатил газонокосилку к моему крыльцу.

– Нет.

Он направился к своему дому и скрылся из виду. Я закрыла глаза и прижала обе ладони к сердцу, на несколько коротких мгновений ощутив внутри и вокруг себя пустоту.

Глава 9. Элизабет

На следующее утро я решила заехать в автомастерскую Таннера за тем сюрпризом, который он пообещал мне на неделе. Мы с Эммой и Буббой направились в город, Эмма напевала свою версию песни из «Холодного сердца», а Бубба был приятно молчаливой мягкой игрушкой.

– Дядя Та! – завизжала Эмма, с разбега бросившись к Таннеру, который в этот момент рассматривал что-то под капотом машины. Таннер обернулся, его белая рубашка была заляпана машинным маслом, как и его лицо.

Он подхватил Эмму на руки и немного покружил, прежде чем крепко обнять.

– Эй, человечек, а что это у тебя за ухом? – спросил он у нее.

– У меня ничего нет за ухом!

– Нет, мне кажется, ты ошибаешься. – Он достал из-за уха Эммы свой неизменный четвертак и засмеялся. Эмма засмеялась тоже, и это заставило меня улыбнуться. – Как твои дела?

Эмма с улыбкой начала обстоятельное повествование о том, как сегодня утром я разрешила ей самой выбрать, во что одеться, и она выбрала фиолетовую юбку-пачку, радужные носки и футболку с пингвинами-зомби.

Я продолжала улыбаться. Таннер смотрел на Эмму так, словно ему был искренне интересен ее рассказ. Несколько минут спустя он выдал ей несколько долларов и отправил на штурм автомата со сладостями, приставив к ней одного из своих работников, Гэри. Я слышала, как Эмма пересказывает бедолаге Гэри всю историю о том, как она выбирала свой сегодняшний наряд.

– Она еще симпатичнее, чем мне помнилось. – Таннер улыбнулся. – У нее твоя улыбка.

Я усмехнулась и поблагодарила его, хотя улыбка Эммы скорее напоминала мне о Стивене.

– Так вот, у меня кое-что для тебя есть, идем. – Он провел меня в дальнее помещение, где стояла машина, закрытая брезентом. Когда он стянул брезент, у меня едва не подкосились ноги.

– Как?.. – спросила я, обходя джип и ведя пальцами по корпусу. Джип Стивена сейчас выглядел новее, чем когда бы то ни было. – Он же был совсем разбит!

– А, царапины и вмятины всегда можно убрать.

– Это, наверное, стоило тебе кучу денег.

Он пожал плечами.

– Стивен был моим лучшим другом. Ты – одна из моих близких друзей. Я просто хотел, чтобы у тебя было что-то давно тебе знакомое. Хотя бы ради этого стоило вернуться домой.

– Ты всегда знал, что я вернусь в этот город?

– Мы все на это надеялись. – Таннер прикусил губу, глядя на джип. – И все же я не могу перестать винить себя. За неделю до аварии я просил его заехать ко мне в мастерскую, чтобы я мог отрегулировать кое-что в машине. Он сказал, что она нормально проедет еще несколько месяцев. И я не могу выкинуть из головы мысль о том, что, может быть, я заметил бы какие-то неполадки в машине, если бы он заехал ко мне. Если бы он позволил мне осмотреть мотор, может быть, он был бы по-прежнему... – Он умолк и сжал двумя пальцами переносицу.

– Ты ни в чем не виноват, Таннер.

Он втянул носом воздух и через силу улыбнулся мне.

– Ну да. Просто я время от времени задумываюсь об этом. Ну ладно, полезай в машину.

Я открыла дверцу и села на водительское место. Закрыв глаза и сделав несколько глубоких вдохов, я коснулась ладонью пассажирского сиденья, ожидая знакомого прикосновения, тепла другой ладони.

«Не плакать. Не плакать. Все хорошо. Все хорошо».

И тут я почувствовала в своей ладони другую ладонь, маленькую и теплую, и, открыв глаза, увидела, что Эмма держит меня за руку. Лицо ее было перемазано шоколадом. Она широко улыбнулась, заставив меня сделать то же самое.

– Ты в порядке, мама? – спросила она.

«Один вдох».

– Да, милая, я в порядке.

Таннер подошел ко мне и вложил мне в руку ключи.

– Добро пожаловать домой, прекрасные дамы. Помните, если вам понадобится помощь с лужайкой у дома и всем прочим, то просто позвоните мне.

– Мистер Тля уже это сделал! – заявила Эмма. Таннер поднял брови.

– Что?

– На самом деле я в конце концов наняла человека, чтобы он скопил мне лужайку. Ну в каком-то смысле наняла. Я в долгу перед ним, если можно так сказать.

– Что? Лиз, я сделал бы это бесплатно. Кого ты наняла?

Я знала, что ответ ему не понравится.

– Его зовут Тристан...

– Тристан Коул?! – Таннер провел ладонью по своему покрасневшему лицу. – Лиз, он – скотина.

– Нет.

«Ну ладно, так и есть».

– Поверь мне, это так. И он выбрал какую-то дебильную работу. Ты знаешь, что он работает у мистера Хенсона? Типичный экземпляр чокнутого типа.

Не знаю почему, но слова Таннера вызвали у меня такое ощущение, как будто он говорил обо мне.

– Это очень грубо, Таннер.

– Он действительно чокнутый, Лиз. И он опасен. Просто... давай я помогу тебе с домом и участком. Боже, как же жутко, что он живет рядом с тобой!

– Он отлично справился с этой работой. На самом деле это не так уж важно.

– Нет, важно. Ты просто слишком доверчива. Тебе нужно слушать свою голову, а не свое сердце. Нужно думать головой. – «Ничего себе!» – Мне совершенно это не нравится, Лиз. И я сомневаюсь, что это понравилось бы Стивену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.